

ДМИТРИЙ ДАЛЬ

АПОКАЛИПСИС НА ПОРОГЕ

АРХЕОЛОГ

Апокалипсис на пороге

Дмитрий Даль

Археолог

«Автор»

2020

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2Рос=Рус)

Даль Д.

Археолог / Д. Даль — «Автор», 2020 — (Апокалипсис на пороге)

ISBN 978-5-517-03076-4

После обмена ядерными ударами мир погрузился в хаос. Россия раскололась на множество новофеодалных княжеств-городов. Каждый выживает, как может... Дмитрия Столбова и его друзей война застала на Волге, в городе Угличе, куда они приехали в археологическую экспедицию, раскапывать стойбище хана Юса. Отрезанным от прежней жизни, им пришлось учиться воевать чтобы выжить. Теперь они наемники, отряд Археолога. И должны защитить гражданских, зажатых между бандитскими группировками масловцев, артельщиков и часовщиков. Грядет серьезная бойня за власть...

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-517-03076-4

© Даль Д., 2020
© Автор, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	33
Глава 9	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Дмитрий Даль

Археолог

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2Рос=Рус)

Дмитрий Даль

Археолог / Дмитрий Даль. – М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. – (Серия «Апокалипсис на пороге»).

После обмена ядерными ударами мир погрузился в хаос. Россия раскололась на множество новофеодалных княжеств-городов. Каждый выживает, как может...

Дмитрия Столбова и его друзей война застала на Волге, в городе Угличе, куда они приехав археологическую экспедицию, раскапывать стойбище хана Юса. Отрезанным от прежней жизни, им пришлось учиться воевать чтобы выжить. Теперь они наемники, отряд Археолога. И должны защитить гражданских, зажатых между бандитскими группировками масловцев, артельщиков и часовщиков. Грядет серьезная бойня за власть...

ISBN 978-5-517-03076-4

© Даль Д., 2020
© Т8 RUGRAM, оформление, 2020

*Памяти моего деда, полковника войск связи Николая Петровича
Капелькина, родившегося на берегах Волги.*

*Сегодня ночью с четырех часов магический театр – только для
сумасшедших, плата за вход – разум.*

*Герман Гессе.
«Степной волк»*

Глава 1

Весна в этом году пришла рано. Дороги растаяли и превратились в непроезжее болото. Связь с городом на время прервалась, поэтому велико было удивление Дмитрия Столбова, когда рано утром к нему в дом постучались. Да не просто постучались, а заколошматили изо всех сил, словно в набат при пожаре.

Столбов первым делом схватился за автомат, который стоял возле изголовья, любимый АК-12. Чужие люди здесь редко ходят, хотя до Большой войны деревня Юсово была бойким местом. Московские в свое время тут дач понакупали, а когда рвануло, то бросили все. Кому эти дачи нужны, когда выживание стало главной проблемой, а до этой глухомани еще попробуй доберись. Дороги непроезжие. Люди повсюду лихие. Так за несколько лет Юсово превратилось в спрятанную от всего остального мира деревню.

– Кого это нелегкая принесла? – завозилась спросонья под одеялом Вера.

– А я знаю? Сейчас посмотрим. – Сунув ноги в валенки, Столбов в одних трусах с калашом наперевес подошел к двери и рявкнул: – Кто там?

– Свои, Археолог. Открывай! Дело есть.

Голос и правда был знакомый – Сереги Рыжова, которого все звали Доктор. Что ему понадобилось в такую рань? Прозвище свое он получил за то, что в экспедиции отвечал за хранение и пополнение аптечки и в лекарствах толк знал. У него всегда были надежные средства для лечения похмелья. Да и бутылка водки всегда в запасе имелась. Откуда он выпивку брал, особенно в это лихое время, для Столбова оставалось загадкой. При этом сам Рыжов не пил, но угостить ребят всегда был рад.

– Какие дела в такую рань? Ты чего, совсем сбрендил? – проворчал Столбов, но дверь открыл и впустил Рыжова в дом.

С улицы повеяло холодом, и Дмитрий поспешил закрыть дверь.

– Говори, зачем пришел, – потребовал он.

Рыжов переминался с ноги на ногу, пытаясь согреться. Выглядел он ночным сторожем в распахнутой, выдавшей вида коричневой куртке, из-под которой выглядывала серая рубаха, с охотничьим ружьем «Бекас-12М» на плече. Дополняла картину меховая шапка с болтающимися ушами. Лицо простое, деревенское, нос картошкой усеян веснушками, неопрятная рыжая борода и болотного цвета глаза.

– Там к тебе человек из города приехал. Говорит, дело у него. Особой важности. Мне отвечать отказался. Сказал, только с Археологом будет говорить.

– Что за чертовщина! Как он пробрался то? В лесу не проехать, не пройти. Дороги совсем размыло. Да дожди вторую неделю идут, – изумился Столбов.

– Дело говоришь. Видно, сильно его приперло, если смог до нас добраться.

– А что, до утра дело не могло подождать? Ранё смотри какое! Еще спать и спать. Скажи ему, пусть ждет. Часов в девять приду, высплюсь только. Вчера день тяжелый был.

Столбова манила теплая постель, где ждала его сонная Вера. Спать-то, в принципе, он уже не сильно и хотел, но вот приласкать Верку да немного пошалить настроение было. К тому же почему это чужак, пускай и с серьезным делом, решил его временем распорядиться? Кто он такой?

– Какое ранё? Семь уже. Да и я бы мужика выслушал. Не зря он через Баскачи из самого Углича до нас добирался, – возразил Рыжов.

– Ты меня режешь без ножа, Доктор. Ладно бы он из самого Питера приехал, вот это я понимаю. А тут из Углича. Чего мы, углических не видели? – проворчал Столбов, но все же смирился. – Хорошо. Веди его в клуб. Я минут через десять подойду. Оденусь только.

Рыжов вышел на холод, а Столбов вернулся в комнату. Верка приподнялась на постели, так что одеяло сползло, обнажая тугие груди, и приоткрыла один глаз:

– Чего Серега хотел?

– В клуб зовет. Там человек из Углича приехал. Говорит, дело у него ко мне.

– Чего до утра не подождать?

– Спи давай. Я сам разберусь.

Верка плюхнулась назад на подушки и натянула на голову одеяло. Вскоре она уже тихо посапывала, погружившись в сладкий сон.

Столбов нашел на стуле футболку и штаны. Снял с вешалки возле входа камуфляжную куртку. Оделся. Валенки сменил на сапоги. За спину повесил автомат. И хотя у них в деревне было спокойно, чужие здесь не бродили, но без оружия никто на улицу не выходил. Правило, которое сам Археолог и установил. Мало ли что может произойти? Надо быть готовым к любым неприятностям.

Куртку и штаны военного образца юсовские выменяли в прошлом году на пару мешков картошки у старика Мазая, настоящее имя его никто не знал. Он жил в соседней деревне в нескольких километрах от них и сам возделывать землю не мог. Ему бы и так помогли с продуктами, но Мазай уперся. Сказал, что хочет отблагодарить хороших ребят. Откуда он только взял три комплекта военного обмундирования «Ратник», вот это вопрос, на который Мазай отвечать не захотел. Да ребята не сильно-то и настаивали. Форма была удобная и, главное, практичная.

Археологи приехали в Юсово десять лет назад. Группа Юрия Кургиняна из Санкт-Петербургского университета... Экспедиция была направлена произвести раскопки предположительно располагавшегося в этих местах стойбища хана Юса, по сути средневекового города, ранее числившегося по ведомству легенд. Несколько упоминаний в углических и ярославских летописях. И никаких более точных данных. Никто из приехавших тогда и представить не мог, что они надолго задержатся в этой деревне. Если не сказать, навсегда.

Ядерные удары две тысячи шестнадцатого года и последовавшие вслед за ними дикий хаос и беззаконие отрезали юсовских от Петербурга. Железнодорожное сообщение оказалось полностью уничтожено – поезда не ходили. Самолеты в воздух не поднимались. Можно было попробовать добраться по автомобильным дорогам, воспользовавшись одной из брошенных машин, но это было рискованным мероприятием. Люди, которые еще несколько месяцев назад вели тихую, мирную жизнь и даже помыслить не могли, чтобы кого-то убить, теперь вышли на большую дорогу с ножами и топорами, винтовками и пистолетами, чтобы прокормить себя и близких. Так что опасно было пробиваться на родину. К тому же доходили слухи, что Петербурга больше нет. Его стерли с лица Земли ядерными ударами. Правда это или ложь, никто не знал.

Юрий Кургинян, глава экспедиции, все же решил рискнуть. Его можно было понять. У мужика в Питере жена и две дочери остались. На его месте и Столбов бы назад рванул. Кургинян поговорил с ребятами, и из сорока человек партии шестеро решили идти с ним. За старшего в Юсово остался Столбов. В экспедиции он был правой рукой Кургиняна. Да и воинская подготовка у него имелаась. После университета его призвали в армию, где он прослужил летёхой в армейской разведке. Мужики ушли летом, и больше их никто не видел. Правда, спустя несколько месяцев слух дошел, что они до Калязина добрались, да там нарвались на ножи местных братков. И братъ с них вроде нечего было. Рюкзаки с тушенкой, да сухари. Ничего ценного. Но местные из спортивного удовольствия порезали бедолаг на куски. Правда это или ложь, никто не знал, а проверять ни времени, ни сил не было.

Улица встретила Столбова утренней прохладой. Подморозило за ночь. Лужи сковало тонким слоем льда, на траве лежала белая изморозь. Изо рта при дыхании выбивался пар. Дмитрий похлопал себя по бокам, собираясь с мыслями, и направился в сторону клуба. Так

все здесь называли старый заброшенный деревенский дом, который на несколько бревен уже погрузился в землю и продолжал вращаться в нее все больше с каждым годом. Раньше здесь жила большая семья. На стенах остались багетные рамы, где вместо полотна под стекло были вставлены старые фотографии. С них грозно смотрели усатые мужчины в военных шинелях Первой мировой войны, в матросских тельняшках и бескозырках времен Великой Отечественной. Когда умерла хозяйка дома, дети ее, жившие кто в Ярославле, кто в Москве, а кто и в Петербурге, еще изредка приезжали на малую родину – отдохнуть да вспомнить молодость. Но со временем и они поумирили, а внукам это хозяйство оказалось в тягость. Хотели продать, да война началась, и деньги обесценились. Все это Столбову дед Мазай рассказал. Дом стоял брошенный, поэтому застрявшие в Юсово члены экспедиции заняли его под свои нужды. Восстановили, отремонтировали да стали использовать как общее помещение. Здесь они собирались на совет, здесь проводили время за игрой в карты да пировали за большим праздничным столом, когда случай представлялся. Название «клуб» предложил Семен Раух, младший научный сотрудник, и оно прижилось.

За ночь ледком сковало дорогу, и Дмитрий шел по раскисшей, принявшей причудливые формы тропе, проложенной в обход луж и колдобин. По левое его плечо текла Волга, уже успевшая освободиться из ледового плена. Река сейчас была скрыта от Столбова бревенчатой крепостной стеной, выстроенной вокруг их поселения, но он точно знал, что Волга там течёт, как и тысячу лет назад. Она единственная оставалась якорем и ориентиром в изменяющемся мире. На отвесном берегу реки раньше стояли дачи москвичей и угличан. Несколько домов сохранилось. Остальные в первые годы выживания юсовские разобрали на дрова и стройматериалы, которые пошли в дело. Часть употребили на постройку крепостной стены и дозорных вышек, на которых сейчас полудремала охрана посёлка. Ребята обустроивались на новом месте, вращались корнями в волжскую землю. Для этого им требовались гвозди и доски. Они облюбовали себе свободные дома и перестраивали их под себя. Можно было и не строиться. Жилья готового полно. Только человек так устроен, что без дела сидеть не может. Вот и придумывали себе дела – кто во что горазд! Постепенно ребята поняли, что общиной жить удобнее и организовали что-то вроде колхоза, в котором Дмитрий Столбов взял на себя роль председателя. У них были свои поля, засеянные картошкой и зерном, и своя живность: куры, коровы, свиньи. Ребята без дела не сидели, а потому не бедствовали. Кто мог подумать, что научные работники, городские неженки в итоге переродятся в фермеров, животноводов, охотников и воинов.

На подходе к клубу Дмитрия встречал Семен Раух. Высокий долговязый мужик с густой черной бородой с проседью и золотым передним зубом, который сразу бросался в глаза, стоило ему улыбнуться.

- Командир, там тебя ждут, – сообщил Семен.
- Что думаешь обо всем этом? – спросил Столбов.
- Народ вроде нормальный. Не гнилье.
- Из бандитов?
- Не похоже. По-моему, они сами по себе.
- Зачем пришли, сказали?
- Молчат. Тебя ждут.
- Хорошо. Пойдем посмотрим, что за фрукты.

С этими словами Столбов переступил порог клуба, правда, для этого ему пришлось нагнуться, чтобы не удариться головой о притолоку. Правильнее сказать, он не вошел в дом, а спрыгнул в него. Миновав сени, Дмитрий вошел в комнату, где возле большой русской печи стоял обеденный стол, за которым сидели Сергей Рыжов, Кирилл Уханов и Николай Клюев. Рядом с ними расположились трое незнакомцев – два крепких мужика и один с виду хлюпик хлюпиком. Видно, он был за главного, а парочка выделена ему в охрану.

– Я – Археолог. Кто тут хотел со мной поговорить? – сурово спросил Столбов, обводя взглядом честную компанию.

Глава 2

Столбов верно вычислил главного среди приезжих. Хлюпик поднялся навстречу, протянул руку и представился:

– Меня зовут Виктор Игнатьевич Колюжняк.

Дмитрий пожал ему руку. На удивление, пожатие у хлюпика было крепкое. Не так прост был этот мужик, каким казался на первый взгляд. Столбов его явно недооценил. Вот только запах от него шел неприятный: пахло кислым потом и чесноком.

– Рад знакомству, – хмуро сказал Столбов, усаживаясь за стол напротив приезжих. – Какими судьбами в нашу глухомань?

– Мы хотим вас нанять для выполнения одного деликатного поручения, – начал Колюжняк, но Столбов его перебил:

– Доктор, будь другом, чайку нам организуй. Чувствую, разговор долгий предстоит.

Рыжов коротко кивнул, поднялся из-за стола и покинул комнату. Ружье он взял с собой.

– Я слушаю вас, Виктор Игнатьевич. Излагайте, – попросил Столбов.

– Я к вам прибыл как представитель Пролетарского района города Углича. Район у нас небольшой. Домов пять. Живем дружной общиной. Все вместе. Один за всех. У нас свое хозяйство. Живность разная. Да и огороды мы оборудовали. Несколько теплиц. В общем, выживаем, как можем. Опять же и медицина у нас своя, пускай и плохая. С медикаментами всегда напряженка. В городе аптеки хоть и работают, понятное дело, купцы из Ярославля и Рыбинска подвозят товар, но цены ломают за таблетки... мама дорогая. Мы столько не зарабатываем. В общем, худо-бедно живем. Никого не трогаем. Есть у нас и отряд самообороны. Но он только для охраны нашей территории. На чужие земли не заримся. Нам это не надо. Свое бы сохранить, да преумножить. Куда уж чужое! Люди у нас разные. Кто при мирной жизни торговлей занимался, кто учительствовал. Есть даже приезжие. Из Москвы, Питера, Тулы. Ярославские были, но они в первые же годы поспешили к себе домой перебраться. Так что община у нас устоялась. Можно сказать, корнями в землю вросла.

– Зачем вы мне это рассказываете? Какое отношение это имеет к вашему предложению? – перебил Колюжняка Столбов.

Похоже, он разгадал скрытую силу этого мужика. Он, кого хочешь, может заговорить до смерти.

– К нашему деликатному поручению это имеет самое непосредственное отношение. Я вам, так сказать, обрисовываю диспозицию. Исходными данными делюсь.

– Продолжайте, – попросил Столбов.

Дверь в комнату открылась, и вошел Рыжов. В одной руке у него был чайник, в другой – три кружки и заварочник. Он поставил свое добро на стол и подвинул поближе к Колюжняку. Но тот, казалось, этого даже не заметил.

– Не знаю в курсе ли вы, какая расстановка сил сейчас в Угличе. Но вкратце обрисую. Город поделен между тремя крупными бандитскими группировками: масловцами, часовщиками и артельщиками. Масловцев возглавляет Иван Сергеевич Костаковский, по прозвищу Костыли. Мужик нравом суровый. Чуть что не так, мигом инвалидность оформит. За это его Костыли и прозвали. Масловцы базируются на территории бывшего сырдельного завода. Там у них и склады с товаром, и лежбище. Крутые норомом. Любят кровь лить. Контролируют несколько прилегающих к нам территорий. До поры до времени мы с ними как-то договаривались. Платили им небольшой оброк, чтобы они к нам не лезли. А они нами и не интересовались особо. Мы с масловцами через Женю Прокурора общались. Он часть товара себе брал. Вторая группа – часовщики. Они на территории бывшего часового завода «Чайка» засели. Завод они переоборудовали под свои нужды. Чем-то военным занимаются. За главного у них Петр

Шалимов, по кличке Шаман. Из блатных. Очень жестокий человек. Я бы даже сказал, нелюдь. Ему человека убить, что на толчок сходить. Часовщики свою поляну окучивали, никогда особо в город не лезли. Им хватало – завод большой, есть чем заниматься. Но в последнее время часовщики стали проявлять излишнюю активность. В город полезли. Отжали у масловцев пару районов. Те, понятное дело, им такое не простили. Наехали по полной программе. Пару недель в городе стреляли сильно. Мы из района не высывались – не хотелось бы под чужую раздачу угодить...

Столбов внимательно слушал Колюжняка. Он ничего нового не сообщил. Приблизительный расклад сил в городе Дмитрий знал. Ему приходилось контактировать и с теми, и с другими, и с третьими. В частности, масловцам они сбывали остатки своей продукции. Что удавалось вырастить на полях да свежую убоину. Масловцы контролировали продуктовый рынок в городе, и все продукты питания шли только через них. Понятное дело, что такой расклад сил не мог нравиться никому. Монополия бандитов многих обижала и ставила в затруднительное положение. Несмотря на то что все это Дмитрию было хорошо известно, он слушал внимательно. Мало ли, вдруг проскочит что-то новое. О войне между часовщиками и масловцами он, к примеру, не знал.

– Третья группировка у нас – это артельщики. Они контролируют несколько групп ремесленников. Те производят разное. От одежды и обуви до предметов первой необходимости. Недавно они наладили выпуск простых лекарств: аспирина там, цитрамона. Но все равно цену винтят, мама не горюй. За старшего у них Алексей Вадимович Тараканов. Раньше он, то есть до войны, служил в прокуратуре. Говорят, самого Шамана на червонец упек. Правда, тот свое не отсидел. Сбежал как раз аккуратно перед ударами. Понятное дело, между ними нет дружбы и взаимопонимания. Они враги заклятые. Друг другу глотки готовы разодрать. Но до поры до времени в городе мир сохранялся... – Колюжнюк заметил недовольство в глазах Столбова и поспешил его успокоить: – Терпение. Перехожу к самому главному. В последние несколько месяцев все три группировки обратили на наш район пристальное внимание. Не знаю уж, чем им так понравились наши земли. Но они стали засылать к нам своих эмиссаров. То от масловцев человек приедет с наказом, что мы теперь под ними ходим. А стало быть, должны им постоянно платить. Да размер оплаты раза так в два увеличился. Пробовали мы с Прокурором говорить. Да он руками разводит, говорит, что не при делах. Все, что мог, для нас сделал. Ему самому от новых раскладов тошно. Я так понимаю, что его от кормушки отстранили. А он неплохо с нас кормился. Только мы смирились с новым политическим раскладом в городе, к нам артельщики подкатили. Мол, теперь это наша земля, вы нам за проживание платить должны. Мы им говорим, что уже платим масловцам. Но артельщики нас послали куда подальше. Мол, кому вы там платите, нам по барабану. Наша земля, и точка. Так масловцам и передайте. Будут настаивать, мы их на деревьях развесим, как первомайские флаги. Сговорились за цену. Вроде по-божески. Даже меньше получилось, чем у масловцев. И вроде артельщики обещали, что сами масловцев на место поставят. А нам-то что! Мы своих боевых бригад не имеем. Отряд самообороны не в счет. Там двадцать человек, вооружены чем попало. Да в основном народ безобидный. До войны мирными профессиями овладели. Прошла пара недель. Масловцев не видно. Артельщики пару раз приезжали. Проведать, так сказать... Порядок навести. Мы уже немного расслабились. Но тут часовщики появились. И опять та же самая херня. Они нам – платите. Мы им – уже платим. Они – кому? Мы – артельщикам. Они – это наша земля. В общем, песня старая, да на новый манер. Часовщики сказали, что теперь они нас доят. И мы никому чтобы больше не платили, со всеми они сами разберутся. Цену, правда, заломили процентов на двадцать выше, чем масловцы. Но мы люди подневольные. Нам бы только дали работать да семьи кормить. А эти нашествия бандитов нас досуха выдоили. Сначала мы задаток масловцам отдали, потом артельщикам заплатили, затем часовщикам пришлось выложить. В общем, полный у нас беспросвет наметился. Хорошо, что впереди лето.

Мы сможем восполнить свои запасы. Может, что и выторгуем полезного. Но тут приехали масловцы одновременно с артельщиками. И начали отношения прямо у нас в Пролетарском выяснять. Слово за слово, и стрельба началась. А тут и часовщики подтянулись. Короче, заруб у них солидный случился. А мы, как водится, крайние оказались. Масловцы сказали, что за измену мы им должны. Часовщики выставили счет за связи с масловцами и артельщиками. А артельщики трех наших из самообороны взяли да к стенке поставили, чтобы другим неповадно было с врагом сотрудничать. И вот получается, что господа дерутся, а у нас, холопов, чубы трещат. Так вроде говорится.

– Почему вы так вцепились в этот район? Чего вам с места не двинуться? Вокруг Углича полно брошенных деревень. Занимай дома. Трудись. Землю возделывай. На охоту ходи. Рыбалка опять же. Чего вам там в этом Пролетарском районе медом намазано, что ли? – спросил Столбов.

– У нас там дома. Семьи. Дети опять же. Новая дорога – новые трудности, да и не так уж спокойно в деревнях. Если не мародёры, то Белый рой – известное своим беспределом бандитское формирование в районе – на порог сунется. Не все к этому готовы. Народ уже пообвыкся. Не готов он опять с нуля все начинать. Кто был на это способен, уже уехали, как только с масловцами начались зарубы. Но таких по факту немного – четыре семьи. Где они и что с ними, я не знаю. Остальные хотят жить в Пролетарском. Всего лишь мирно жить, по справедливости. Бандюкам-то по факту плевать на нас и на наш район. Они между собой отношения выясняют, а наш район спорный оказался. Уступить никто не может. Это сразу расценивается как проявление слабости. А слабых сильные пожирают. Вот так и получилось, что мы крайние оказались.

– Хорошо, Виктор Игнатьевич, а что от нас-то нужно? – спросил Столбов.

– Мы хотим нанять ваш отряд для охраны Пролетарского района от бандитов, – выпалил на одном дыхании Колюжнюк.

Вот, значит, за каким делом приехала делегация из Углича, пробившись через бездорожье, да в такую-то непогоду. Достойная причина. Столбов догадался, в чем дело, после упоминания о масловцах, но все же решил дослушать до конца, прежде чем послать подальше. Задача виделась маловыполнимой. В его отряде человек тридцать. Все при оружии и умеют с ним обращаться. Но в город все ехать не могут. Надо кого-то для охраны Юсово оставить. А то поедут чужую землю охранять, а тут их территорию разорят, воспользовавшись беззащитностью. Значит, их будет человек десять. Слишком мало против трех бандитских группировок. Но почему-то Столбов не спешил отказывать отчаявшемуся человеку.

– Скажите, Виктор Игнатьевич, а откуда вы про нас узнали?

– Люди добрые подсказали. Мол, год назад вы в Калязине схожее поручение исполняли. Федор Кузьмич хорошо о вас отзывался. Ребята вы грамотные. Профессионалы, одним словом.

Профессионалы – это слово вызвало у Дмитрия горькую усмешку. Сколько крови они пролили и скольких людей похоронили, прежде чем научились обращаться с оружием да потеряли жалость к врагу... Об этом знали только старожилы. Всего двенадцать человек, что осталось от археологической партии. Остальные люди в его отряде были пришлыми. Прибились к ним за годы жизни в Юсово да укоренились здесь.

Подобное задание для ребят Столбова не в диковинку. Они и раньше за вознаграждение охраняли деревни и поселки от лихих людей, ходили с купеческими караванами. Задания отличались только уровнями сложности. Колюжнюк, казалось, просил невозможное – защитить от трех бандитских группировок. Столбов в любое другое время отказался бы, но сейчас задумался.

– Я тебя выслушал. Нам надо время подумать да с людьми посоветоваться. Один я решить не могу. Так что вы пока идите, отдыхайте. Доктор, позаботься о гостях. А я с людьми побеседую, – после недолгих раздумий ответил Столбов.

Глава 3

Когда за гостями закрылась дверь, Столбов спросил:

– Что думаете по этому поводу, мужики?

Мужики не спешили ему отвечать. За столом повисло тяжелое молчание. Слышно было, как свистит за окнами ветер. Кирилл Уханов, тридцатилетний участковый, после войны оставшийся без работы, сосредоточенно ковырял чайной ложкой малиновое варенье в банке. Семен Раух маленькими глоточками пил чай. Только Николай Клюев сидел неподвижно, уставившись в одну точку.

Первым заговорил сладкоежка:

– Херовый расклад получается. Если мы впишемся в эту разборку, то можем серьезно огрести. В Угличе суровые ребята сидят. Им из Ярославля покровительствуют. Так что если мы вмешаемся, то многим это не понравится.

– Я тебя услышал, Кирилл, – кивнул Столбов.

– Погоди, Археолог. Это не значит, что я против. Я просто взвешиваю все «за» и «против». В этом раскладе, конечно, «против» слишком много. Но и «за» тоже имеются. Если мы возьмем под охрану Пролетарский район, то сможем там закрепиться. А это уже совсем другой коленкор. Не то что здесь в деревне.

– Мне в деревне нравится. Природа хорошая. Чистый воздух. И люди своим присутствием не надоедают. Почти... – мечтательно произнес вошедший в дом Леха Гришко, бывший авторемонтник из Углича.

– В Угличе у нас перспектив больше, – возразил Уханов.

– Хорошо. Понял тебя. Кто еще хочет сказать? – спросил Столбов.

– Их слишком много. Нас мало. Расклад явно не в нашу пользу, – усмехнулся Раух.

– Мы можем воспользоваться моментом и обучить их ополченцев. Это изрядно поможет нам, – вставил свое слово Уханов.

– Их ополченцы всего лишь пушечное мясо для нас. Если начнется серьезная заварушка, они полягут первыми, – возразил Гришко.

– Я проблему вижу глубже. Просто охранять Пролетарское можно до одурения. Охрана объекта – вечное занятие. Решить проблему можно, только разрубив узел противоречия между группировками и жителями Пролетарского района. Если мы отвадим бандитов и обучим ополченцев, то наша миссия будет выполнена. И тут я вижу трудности. Бандиты просто так не откажутся от своих притязаний. А нас слишком мало, чтобы задавить их числом, – рассуждал вслух Столбов.

Дверь в комнату открылась, и вошел Доктор.

– Ну, что, Доктор, пристроил гостей на постой? – спросил Гришко.

– Нормально все. Пациенты довольны. Обсуждают встречу. Плюгавый что-то им доказывает. Тараторит как пулемет.

Рыжов плюхнулся на скамью и потянулся за чайником.

– Продолжим, – предложил Дмитрий. – Предложение городских мне не нравится. Закусываться с бандитами, тем более что они под ярославскими ходят, мне не улыбается. Но у нас хреновая ситуация. Амбар наш затопило. Все запасы зерна и картошки пропали. Если все будем торчать в деревне, то хватит на пару недель. Что будем потом жрать, я не знаю. Если мы уйдем на заработки, то сможем взять аванс продуктами. Да и того, что осталось, хватит продержаться нашим до первого урожая. Так что выбор у нас небогатый, прямо скажу. К тому же по патронам у нас тоже бедственная ситуация складывается. Нам надо пополнить боезапас. Расходники же на себя возьмут наши наниматели. Это их забота. Подытожу. Несмотря на то что мне не нравится это задание, я склонен к тому, чтобы на него подписаться. Не факт, что

в ближайшее время у нас появится что-то более подходящее. Можно, конечно, обратиться к Ноксу. У него всегда на примете есть интересные да денежные задания. Но боюсь, что ничего серьезнее нам не найти. Так что я голосую за пролетарских.

Столбов умолк, предоставляя слово друзьям.

– Я поддерживаю Археолога, – сказал Рыжов. – Моя Надька уже давно на меня косо смотрит. Мол, жратвы не прибавляется, а я ем в три горла. Вопросы задает разные. Так что я за легкую прогулку.

– Прогулка легкой не будет. Но я тоже поддерживаю, командира. Нам надо спасти нашу общину. Так что беремся за эту работу. Тут и думать нечего, – высказался Гришко.

– Надо решить, кто с нами пойдет, а кто в Юсово останется. Нельзя деревню бросать без мужиков... Найдутся лиходеи, которые даже на наши голые зады облизнутся. Девчонок наших надо под охраной оставить. Но боюсь, что все ребята захотят в поход. Так что придется бросать жребий, – сказал свое слово Уханов.

– Значит, решено. Собирайте мужиков. Жребий, Кирилл, на тебе. Чтобы все по-честному было. Сам тянуть тоже будешь. Рыжов, сходи к гостям. Скажи, чтобы в полдень сюда приходили, будем договариваться. Надо бы бумагу составить да подписать. Договор бумагу любит. Пусть Корсар бумаги заранее подготовит. Встречаемся в полдень.

На обратном пути Археолог, поглядывая на унылый весенний пейзаж, размышлял над превратностями судьбы. Его дальние предки родом были из этих мест. Кто бы мог подумать, что спустя полвека их потомок вернется к истокам. Вот уж точно в песне поется: «Как волка ни корми, он, известно, смотрит в лес. Вот такая вот судьба у меня...»

Вера уже проснулась. Она хлопотала возле печки, пытаясь ее растопить. За ночь печь успела остыть, и огонь никак не хотел разгораться. Вот какая уже по счету спичка упала на растопку! Наконец пламя вспыхнуло и жадно накинuloсь на березовые поленья.

– Что там случилось? – спросила девушка.

Вера появилась у них три года назад. О своем прошлом она не любила распространяться, но Столбову удалось узнать, что она до войны училась на медицинском в Москве. На каникулы Вера приехала к бабушке на Волгу, а тут случилась беда. Девушка оказалась отрезанной от большого города, учебы и родителей. Долго жила с бабушкой, поддерживала ее. За ними присматривал сосед, пчеловод Ефим. Столбов подозревал, что присматривал он далеко не бескорыстно, но ни о чем подругу не спрашивал. Как раз три года назад бабушка умерла, и Вера сбежала от Ефима. Он пытался ее догнать, но нарвался на людей Археолога, и те ему понятно объяснили, кто здесь хозяин. Больше Ефим на их горизонте не появлялся. А спустя пару месяцев Археолог с Верой сошлись и стали жить вместе. Сперва не было никакой любви, просто жизненная необходимость. Она ему нравилась, он ей тоже. А потом чувства проснулись. И сейчас Столбов уже не мыслил себя без Веры, как и она без него.

– Приехал человек из Углича с посланием. Хочет нанять нас для охраны одного объекта. Плевое дело. А мы сможем подзаработать. Так что восполним все потери. Главное, сейчас о задатке договориться. Всем ведь кушать хочется. А амбар мы прошляпили. Не могу себе этого простить.

– Разве твоя это вина? Улуков вон на что справный фермер, а и то не предвидел этой ситуации, – попыталась успокоить Дмитрия Вера.

– Давай завтракать, – предложил Столбов.

Колюшняк обрадовался ответу Археолога. Видно, и впрямь угличских поджало основательно, если они шли на любые условия, чтобы заполучить юсовских. Договор подписали, даже не торговались. На предоплату согласились: несколько мешков зерна, три ящика говяжьей

тушенки, еще из довоенных запасов, да пара ящиков патронов для автоматов. Бандиты хоть и пытались выдоить их досуха, но угличские – народ смекалистый и экономный: кое-что сумели припрятать на черный день. Добро они привезли с собой. Один ящик Столбов распорядился оставить в деревне. Пригодится, если кто непрошенный придет, а второй они по-братски разделили между бойцами, отправлявшимися на дело.

Выезд запланировали на следующий день. Чего время зря тратить? Да и Колюшняк их подгонял. Дай ему волю, поехали бы на ночь глядя. Очень Виктор нервничал, что в их отсутствие в Пролетарском бандиты шорох устроят. Но он не за район беспокоился. Видно было, что в городе у него женщина осталась. Вот и переживал, как бы чего не вышло плохого, пока он в дороге. Но Столбов заявил, что им нужно собраться. К тому же он не хотел с пустыми руками в город ехать. Если уж появилась такая возможность, надо товар прихватить, чтобы сбывать по выгодной цене. Одно другому не мешает. Товара, правда, у них немного с зимы осталось. Юсовские уже дважды в город ездили за сезон. Так что в кладовых жалкие крохи лежали, но и их продать надо. Юсовские всегда работали с одним и тем же человеком, купцом Владимиром Гривенным, который торговыми делами был связан с ярославским купцом Рассказовым, между собой люди с уважительным придыханием называли его Черномором. Так что их товар напрямик попадал в Ярославль, где имел хороший спрос.

Заниматься коноплей предложил в свое время Степан Вольский, по прозвищу Корсар. Он заявил, что в новых жизненных условиях, когда старый закон больше не работает, а новый не запрещает, на дурь всегда будет хороший спрос. Поэтому если они займутся выращиванием конопли, то могут на этом неплохо заработать. Оставалась маленькая проблема – где взять посевной материал? Но и тут Корсар знал ответ, вернее, его подсказал Валера Улуков. Фермер знал нужных людей, правда, ехать пришлось в Калязин, где у Корсара были знакомцы, которые могли поделиться посевным материалом индийской конопли.

Столбов сперва мучился угрызениями совести. Заниматься наркотой ему не хотелось, душу воротило, но он дал себя убедить. В конце концов, они будут заниматься выращиванием растений, а уж на что их пустят предприимчивые дельцы – не их дело. Кто-то, может быть, из собранного урожая изготовит так нужные людям лекарства. Столбов собрал тогда всех жителей и устроил голосование. Большинство высказалось за коноплю. И они отправились в Калязин, откуда привезли маленький пакетик семян. Его хватило, чтобы засеять маленькую плантацию, которая приносила теперь стабильный доход общине. Правда, и проблем они тут же огребли по полной. Как только народ в городе прознал про маленький бизнес юсовских, тут же появились лихие люди, возмечтавшие отжать денежную поляну. Несколько набегов Археолог с ребятами отбили, а потом договорились с Гривенным о сбыте товара, и тот шепнул кому надо, чтобы от их деревни отстали. Больше бандиты в Юсовку не ездили.

Утром Столбов проснулся рано. За час до назначенного времени. Он сходил на улицу отлить, вернулся, попробовал вновь заснуть, но в голове роились тысячи тревожных мыслей. Дмитрий сомневался, правильно ли они поступают, что берутся за это дело. Быть может, лучше отказаться? До лета как-нибудь перекантуются, а там и рыбалка пойдет, и охота. Да и первый урожай подоспеет. Главное, немного продержаться. Ремни потуже затянуть да зубами не скрипеть. Но с другой стороны, его задача как главы общины сделать все возможное, чтобы доверившиеся ему люди ни в чем не нуждались. Может ли он в таком случае выпускать из рук такой шанс?

За пять минут до будильника проснулась Вера. Увидев, что любимый не спит, развела бурную деятельность. Вскоре на столе уже стояли свежесваренный кофе и овсяная каша.

– Когда вернешься? – спросила девушка у Столбова.

Она никогда не задавала лишних вопросов. В мужские дела не лезла. О бизнесе разговор не заводила. Если Дмитрий хотел что-то рассказать, то делал это по собственной инициативе. И его устраивало такое положение дел. Только перед каждым рейдом Вера спрашивала: «Когда

вернешься?» Ей было нужно знать это – уверенность в любимом придавала сил. Спросила и сейчас.

– Не раньше чем через месяц. Надо вопросы порешать. При первом удобном случае пришлю к вам человека с продуктами. В деревне за старшего Леха Гришко остается.

Прощались быстро. Вера чмокнула Дмитрия в щеку и закрыла дверь. Как в песне поется, «долгие проводы – лишние слезы». А Вера не любила слезы.

Столбов закинул на спину рюкзак и с автоматом в руках направился к клубу, где уже стояли два «Патриота», оставшиеся еще со времен археологической экспедиции. На них ребята в свое время приехали в Юсово. Был еще микроавтобус, но его забрал с собой Кургинян, когда собрался прорываться в Питер. На подножке одной машины сидел Кирилл Уханов и курил самокрутку. Табак они тоже выращивали, но запасы его пострадали в результате затопления амбара, поэтому с куревом в деревне была напряженка. Уханов сильно мучился от дефицита табака, но стойчески переносил страдания. Две самокрутки в день – вот и все, что он мог себе позволить.

– Доброе утро, – поздоровался Столбов.

– Разве оно бывает добрым, – мрачно заметил Уханов. – Колюжнюк пообещал табак от щедрот барских. Вот думаю, как дожить до его подгона.

– А что у тебя свой уже кончился?

– Последняя осталась. – Усханов жадно затянулся и отшвырнул окурок в сторону. – Сейчас наши подтянутся и поедем.

– Багажник открой.

Столбов засунул рюкзак в багажник «Патриота».

Первыми появились углические. Выглядели они невыспавшимися и оттого недовольными. Обменялись рукопожатиями. Колюжнюк спросил, где все, и получил ответ: сейчас подойдут. Больше с вопросами не лез. Они забрались в свою старенькую ржавую «Ниву» и включили печку.

За десять минут собралась вся группа. Помимо Археолога на дело отправлялись Сергей Рыжов, Семен Раух, Кирилл Уханов, Николай Копытов, Степан Вольский, Валерий Улуков, Роман Малышев, Олег Салтыков. В первую машину за руль сел Виталик Жуков, водила от Бога. Во второй машине за рулем устроился Потешкин Юрий Игоревич, самый старый член их общины, недавно ему исполнилось пятьдесят четыре года. Большая часть группы оказалась из археологической партии. Только Потешкин, Малышев да Улуков не являлись археологами и стойбище хана Юса с ними не копали. Потешкин был председателем фермерского хозяйства «Волжанин» в Буланово, которое с началом войны прекратило свое существование. Малышев и Улуков работали вместе с ним. Улуков потерял всю семью – мародеры убили. У Малышева и до войны никого не было. Терять всем троим было нечего, вот они и решили строить новую жизнь в новой общине.

Народ разместился по машинам. Столбов сел к Потешкину на переднее сиденье. И через несколько минут машины отъехали от клуба. Первым ехал Потешкин, за ним следовала «Нива» Колюжняка, замыкал группу Виталик Жуков.

По дороге они заехали в кладовую, где их ждали Леха Гришко с ребятами. Они погрузили в «Патриот» два мешка сушеной конопли. Последние с прошлого урожая. Остались только семена на посев.

До Углича без малого пятнадцать километров. Полчаса езды по довоенному времени. И пара часов, если очень повезет, в нынешней ситуации. Места у них в принципе спокойные. Всех бандитов, которые по лесам да брошенным деревьям прятались, они поубивали, так что особо опасаться некого. А Белый рой обходил стороной их деревню. Только вот всегда кто-то дерзкий появиться может, поэтому в дороге расслабляться нельзя. Всегда глаз да глаз нужен. Столбов положил на колени автомат и спокойно разглядывал унылый весенний пейзаж. Если

не знать, что по стране прокатилась война, то, глядя в окно, никогда этого не скажешь. Тихая пасторальная картинка, полная умиротворения. Неожиданно в дороге на Дмитрия снизошло спокойствие. Тревога отступила в сторону. Если утром он никак не мог заснуть, то теперь усиленно боролся с подступавшей дремотой.

Они без проблем миновали Шевердино и Васильки, а когда подъехали к Баскачам, Столбов почувствовал, что им вновь овладело беспокойство. До Углича оставалось всего несколько километров. Какие-то полчаса, и они на месте. Но тревога не отпускала. Что-то в окружающем пейзаже Дмитрию не нравилось. Дома вокруг, как и несколько месяцев назад, стояли брошенные. Окна и двери заколочены. Несколько выгоревших дотла участков, огороженных сетчатым забором. Только печные трубы, торчащие из сугробов, напоминали о том, что когда-то здесь жили люди. Баскачи занимала семья Михиных и люди, которые к ним прибились. Человек десять от силы. Но прошлой осенью их пожгли. Кто это сделал? Кому они дорогу перешли? Никто не знал. Глава семейства Артур Степанович с женой и двумя детьми сгорели заживо. Еще троих нашли потом с огнестрельными ранениями возле домов. И только троим удалось выжить. Они ушли в Углич от греха подальше.

На очередном повороте колонну юсовских встретили опущенный шлагбаум и трое бойцов с автоматами в камуфлированной одежде.

– Останови. Послушаем, что ребята от нас хотят, – приказал Столбов. Тут же по радиации он передал приказ Жукову: – Оружие к бою. Прикрывайте.

Потешкин притормозил. Машина остановилась, но водитель не спешил глушить мотор. Столбов опустил стекло, достал из разгрузки пистолет Сердюкова и снял с предохранителя. Из машины он вылезать не торопился. Ребята за его спиной напряглись. Они были готовы к любым неприятностям. Беспокойные времена заставили их изменить привычки. Теперь они засыпали с автоматами у изголовья.

Один из бойцов отошел от шлагбаума и приблизился к головной машине. Двое других остались на месте, внимательно наблюдая за товарищем.

– Доброе утро! Куда путь держите? Что везете? – спросил боец, заглядывая в салон машины, откуда на него смотрели злыми глазами вооруженные мужики.

Однако его это, похоже, не смутило. Значит, недалеко от шлагбаума были еще люди, готовые в любой момент поддержать парня огнем.

– А ты кто такой, чтобы такие вопросы задавать? – спокойно спросил Столбов.

– Меня Керосином зовут. И я на часовщиков работаю. Так что вопросы задавать право имею.

– И с каких пор это часовщики в район подались? Что у них здесь за дела? Не ваша это территория, – невозмутимо ответил Столбов.

– Была не наша – стала наша. Ты мне тут зубы не заговаривай. Говори, куда едешь и что везешь? – стал закипать Керосин.

Столбов решил его не злить от греха подальше.

– Я – Археолог. Из Юсово. Еду к Гривенному по делам.

Глава 4

Город встретил юсовских неласково. На въезде они чуть было не увязли в болоте, которое образовалось прямо на месте старой грунтовой дороги. По осени грузовики колдобин наделали, лужа образовалась, которая зимой замерзла, а сейчас оттаяла и превратилась в грязевое болото. Головной «Патриот» въехал в нее и завяз. Пришлось толкать. Мужики матерились, но толкали, грязь летела из-под колес. Остальные машины обошли препятствие стороной, но главная неприятность ждала их в двух кварталах от Пролетарского района.

Про Углич еще в старину говорили – город состоит из тридцати церквей и двадцати пяти кабаков. Здесь люди, казалось, рождались, чтобы молиться и пить, пить и молиться. Конечно, это обманчивое впечатление, но церкви встречались здесь на каждой улице. Народу в городе столько не было, чтобы заполнить приходы. В советское время церкви все были закрыты, кресты и колокола демонтированы, а в помещениях оборудованы склады. Хранили в основном овощи и одежду, но попадалось и оружие для воинских частей. В новое время склады повывозили, а церквям стали возвращать прежний статус. В скором времени город заполнился колокольным звоном. Храмы соревновались друг с другом, кто сколько соберет прихожан, но стояли полупустые. На дворе были лихие 90-е, и люди посвящали все свободное время выживанию – искали, где подзаработать денег, чтобы семью прокормить. После начала войны большая часть священнослужителей разбежалась, и постепенно люди приспособили церкви под свои нужды. В основном под те же самые склады. Общины хранили здесь свои запасы. Тут же справляли религиозные обряды кто во что горазд. Верующие в основном читали Библию, поскольку священников почти не осталось, а сами они на большее были не способны в силу религиозной безграмотности. Однако часть церквей взяли под свой контроль криминальные группировки. Они превратили их в хорошо оборудованные крепости с собственной охраной, минными полями и дозорными вышками. Мимо двух таких крепостей юсовские и проехали, вызвав искренний интерес у людей с оружием, толпившихся на входе.

– Смотри-ка, какие важные. Чего-то не помню, чтобы они тут три месяца назад хозяйничали, – сказал Потешкин, обращаясь к Столбову.

– По виду это артельщики и масловцы. Решили закрепиться на земле, – предположил Археолог, оглядываясь на оставшиеся позади военизированные церкви.

– Стало быть, дело серьезный оборот принимает, – усмехнулся Потешкин и как в воду глядел.

Въехав на Пролетарский проспект, юсовские издали слышали автоматный треск. Где-то впереди шел ожесточенный бой. Столбов приказал остановиться и первым выбрался наружу.

Он дождался, пока подъедет «Нива» и задал вопрос Колюжнюку, который выпрыгнул на растаявшую дорогу:

– Как думаете, где это стреляют?

– Похоже, недалеко от нас. Где-то возле гастронома, – смутился Колюжнюк из-за того, что не смог дать более точную привязку к местности.

– Потешкин и Жуков остаётся возле машин. С вами Раух. Остальные разбились на две группы. Уханов возглавляешь второй отряд. Вы двигаетесь по той стороне улицы. Мы по этой. Задача узнать, что там происходит. Разведать, так сказать, обстановку на местности. Связь держать по рации. Без объективных причин в бучу не лезть. Патроны беречь. Если я посчитаю, что дело дрянь, валим всех. Гражданские остаются здесь. До выяснения ситуации. Тронулись.

Приказ Столбова все выслушали молча. Ни у кого не было желания вставить свои пару слов. Так же молча разделились на две команды, так что в каждом отряде оказалось по четыре бойца. Уханов вместе с Копытовым, Корсаром и Салтыковым бесшумно перебежали на другую сторону улицы и медленно пошли вперед, выставив перед собой оружие. Столбов махнул рукой

и тоже со своей группой двинулся вперед, оставив водителей с гражданскими возле транспорта. Тут Археолог перестраховался. Можно было одного человека оставить, но он решил не рисковать. Не хотелось терять колеса в такое трудное время.

С каждым новым шагом выстрелы становились все громче. Судя по звуку, переговаривались автоматы, изредка в общую канву включались пистолетные партии. Столбов плохо знал этот район. До войны еще пацаном бывал здесь пару раз, когда еще его прабабушка Вера жила в Угличе. Как раз в паре кварталов отсюда и был ее дом. А когда привычный мир разрушился и превратился в тысячи феодальных наделов, бывать не приходилось.

Дмитрий шел вперед, внимательно смотря по сторонам. На Пролетарском проспекте дома все невысокие, три-четыре этажа, из кирпича. Изредка попадались бревенчатые двухэтажные избы с резными наличниками, нередко первый этаж старых домов был отдан под продуктовую лавку. Но ныне все дворы были окружены железными заборами на замках. Если и был кто внутри, то наружу и носа не показывал. В особенности когда слышалась такая канонада. Окна в многоэтажках то тут, то там сияли выбитыми стеклами. Стены выщербленные – следы шальных пуль. В первые годы после ядерных ударов в Угличе царил жуткий хаос. Они-то в деревне, можно сказать, отсиделись, а здесь в городе люди рвали друг другу глотки за место под солнцем. Улица шла на улицу, район на район.

Первое время большую часть города удерживал в своих крепких руках полковник полиции Рашид Нигматулин. Жесткий мужик. Он сумел сплотить под своим началом всех силовиков. Пытался порядок в Угличе навести – так, чтобы никакая бандитская шваль воду не мутила да свои законы не устанавливала. Тогда еще никаких масловцев, артельщиков и часовщиков в помине не было. Но только многим такое единоначалие не нравилось. В городе помимо силовиков и другие тузы имелись. Вот они и устранили полковника привычным способом: взорвали в личном автомобиле. После чего начался передел власти, который продлился без малого два года. В результате появились новые силы. Те самые, которые поделили город между собой, смогли договориться и до поры до времени поддерживали мир в Угличе. Они периодически цапались друг с другом, отношения выясняли да постреливали, но до серьезной войны дело не доходило.

Обо всем этом Столбов знал понаслышке. К ним в деревню пришел мужик, который оказался одним из подручных Нигматулина. Третий подбегающий к пятому подползающему, но все равно человек при информации. Вот он и рассказал Столбову обо всем. Правда, гнилой человек оказался – начал внутри их общины интриги плести, пытался власть у Археолога отобрать, да Столбов с ним церемониться не стал, выставил его из Юсово, пообещав, что если он еще раз у них появится, то он его тогда точно к стенке поставит.

Юсовские прошли несколько кварталов, стараясь не высовываться, прежде чем наткнулись на место сражения. Столбов жестом приказал остановиться и занять позиции. Его ребята спрятались за естественными укрытиями – деревьями, ржавым остовом автомобиля, перевернутой автобусной остановкой, – готовые в любой момент вступить в бой. Но Археолог не торопился. Надо было понять, что здесь за шорох образовался. Влезать в чужие разборки ему не улыбалось, хотя пощупать потенциального противника и убавить количество его личного состава, в особенности если свидетелей не останется, всегда хорошо.

Столбов в сопровождении Рыжова, который прикрывал ему спину, добрался до угла и осторожно выглянул. Главное, не привлечь к себе внимания. На перекрестке рядом с Пороховой улицей случился жесткий замес. Это было видно невооруженным глазом. Возле заброшенного гастронома засели пятеро бойцов. Археолог видел только двух из них – серые силуэты, прятавшиеся за деревьями. Остальных он насчитал по вспышкам выстрелов. Им отвечали шестеро бойцов, прятавшихся на противоположном конце улицы возле пивнухи. На открытом пятачке между ними валялись три свежих трупа. Понять, кто их них кто, не представлялось

возможным. Все были одеты в одинаковые серые куртки, на ногах армейские ботинки, на головах вязаные шапки.

Камуфляжные костюмы можно было и до войны приобрести с легкостью. Они продавались в военторге и в магазинах «Рыболов-охотник». Когда приключилась смута, из окрестных воинских частей началось массовое бегство солдат-срочников. Бандиты этим воспользовались, чтобы выпотрошить склады. Нет ничего удобнее, чем военная форма. Прочная, немаркая. Только на войне форма отличается, и всегда понятно, где свой, где чужой. А здесь все на один манер, так что, как бандиты различают, кто к какой группировке принадлежит, Столбов не знал. Вероятно, знают друг друга в лицо.

Пройти мимо бандитов не представлялось возможным. Идти в обход – слишком большой крюк, да к тому же можно нарваться на другие отряды бандитов. Лучший вариант – ударив по одной группе, уничтожить ее. Противник подумает, что к его недругам подошло подкрепление, и выберется из укрытия, и вот тогда можно расправиться и с ним.

За считанные минуты Археолог взвесил все «за» и «против» и принял решение. По рации он связался с Ухановым, вкратце обрисовал ему ситуацию и приказал ждать. Сам Дмитрий и его ребята первыми вступят в бой. Уберут одного противника, а когда второй раскроется, тут в работу вступит группа Уханова. Кирилл сказал, что все понял, и отключился.

По команде бойцы Столбова подтянулись к командиру.

Операция прошла как по нотам. Бандиты были так увлечены перестрелкой друг с другом, что не успели отреагировать на появление нового противника. Люди Археолога ударили им со спины. В первые секунды погибли трое лиходеев. Остальные, опомнившись, залегли, но тут их противники, расхрабрившись, открыли шквальный огонь, который заставил бандитов выбраться из укрытия, и они тут же попали под пули Археолога и его ребят. Последний погибший был совсем еще мальчишкой. Высокий, нескладный, с пушком над верхней губой. По виду только вчера окончил школу. Бедняга схлопотал пулю в лоб и навеки затих на угличской земле.

Когда с одной стороной было покончено, бандиты из другой группировки, обрадовавшись, выползли на открытое пространство. Они не видели, кто им помог, но особо не скрывались, ведь враг моего врага – мой друг. Поскольку кто им еще поможет, как не свои? За эту самонадеянность и поплатились. Отряд Уханова без жалости расстрелял и их.

– Собрать оружие. Возвращаемся к машинам, – приказал Столбов.

Мертвецов юсовские обобрали быстро. Оружие и расходники перекочевали к людям Археолога. После чего они отошли к машинам.

Проезжая мимо перекрестка, ставшего полем боя, Колюжняк вышел в эфир и сообщил:

– Это часовщики с маслом что-то не поделили.

Что они не поделили, Столбову разъяснил уже на месте староста Пролетарской – общины Михаил Степанович Андронов.

Глава 5

Углич – городок древний, со сложившимися традициями и особым бытовым укладом. Здесь двухэтажные бревенчатые дома с резными наличниками в виде драконов соседствуют с панельными многоэтажками. Можно выглянуть из окна хрущевки пятого этажа и увидеть, как в соседнем дворе хозяйка развешивает бельё, а вокруг неё прыгает и лает пёс, требуя к себе внимания.

Пролетарская улица тянулась через добрую часть Углича, но Пролетарский район, которым управлял Михаил Степанов Андронов, находился в квадрате, ограниченном улицами Гоголя, Шевченко, Луначарского и самой Пролетарской улицей. Здесь частный сектор органично сливался с многоэтажными домами и все было так компактно, что получался город в городе.

На въезде в район первое, что бросилось в глаза, это шестеро повешенных мужиков в разодранных рубахах. Они болтались на деревьях с табличками на груди. На каждой табличке надпись: «Предатель».

Староста общины Михаил Степанович Андронов сказал:

– Сволочи эти их снимать запретили и хоронить. Сказали, что это наглядная демонстрация, чтобы все люди помнили. А я Сашку Степанова с детства знал. Я его в школе математике учил. Толковый парнишка был. А теперь он мне немым укором висит. Напоминает, что, мол, не уберегли, не спасли.

Андронов вышел юсовских встречать. Был он невысокого роста, глубоко пенсионного возраста, правда, пенсия по нынешним временам превратилась в мифическую историю, но термин остался. Волосы седые с желтым отливом, густые вислые усы и глаза серые, обиженные. Он пожал руку Столбову, приветствовал коротким кивком его людей и предложил пройти в дом – бревенчатый, покосившийся, с белыми резными наличниками и зеленым металлическим забором, на котором еще угадывался цветочный узор.

– Вы моим ребятам покажите, где можно остановиться на постой. А мы с вами за жизнь поговорим, – попросил Столбов.

– Витя, проконтролируй. Кого к кому селить, ты знаешь, – распорядился Андронов.

Колюшняк кивнул и призывно махнул рукой.

Столбов открыл калитку, пропуская хозяина вперед.

В доме было темно и сыро. Пахло застарелым потом и плесенью. Чувствовалось, что здесь жил старый больной человек, за которым некому ухаживать. Одиночеством сквозило из всех щелей. Дмитрий аккуратно прошел по коридору, заваленному старой одеждой и хламом непонятного назначения, в большую комнату с русской печью, из горнила которой торчали грязные сковороды и кастрюли, и с большим обеденным столом, возле него стояли табуретки и большое резное кресло, которое тут же занял старик. На столе среди тарелок с остатками пищи лежали раскрытые книги и стопки исписанных мелким почерком листков. Старик перевернул листки, отложил их в сторону, чтобы не мешали, и предложил Столбову занять один из табуретов.

– Я очень рад, что вы согласились принять наше предложение. Мы небогатые люди. Живем, как умеем. Поэтому предложить можем не так много, но все же...

– Если бы у вас было много чего предложить, вы бы обратились к другим людям, – сказал Столбов.

– Истинно так. Хотя где сейчас найти достойных людей? Думаю, что Виктор обрисовал вам всю ситуацию и вы имеете представление, в какое положение мы попали. Я понимаю, что дело наше дрянь. По большому счету, нам надо сниматься с места и искать новое место жительства, потому что эти сволочи нас в покое не оставят. Но я слишком стар для переездов. Я здесь родился. Здесь жили мои родители, мои бабушка и дедушка. Здесь осталась память о них. Я

не хочу никуда уезжать. К тому же мне терять нечего. Но есть другие люди. У нас в общине не одно старичье. Достаточно и молодых людей. У них семьи. Но и они не хотят уезжать. Потому что сняться с насиженного места с семьей, в особенности если есть маленькие дети, – это большой риск. Люди живут в постоянном напряжении, не зная, что день грядущий готовит. Я хочу изменить эту ситуацию. Хочу, чтобы мои люди жили достойно, насколько это возможно, не боясь всякую бандитскую сволочь.

Андронов умолк и закрыл глаза. Некоторое время он так и сидел, собираясь с мыслями. Столбов тоже сохранял молчание. В этой ситуации излишняя поспешность ни к чему.

– Скажи мне, Археолог, как так получилось, что мир вокруг так опаскудился? Сашку Степанова вешал его одноклассник Серега Воронов. Они за партией вместе сидели. Дружили вроде. Воронов у Степанова на русском списывал. А Степанов у Воронова – на математике. А тут такое дело... У нас город то маленький, мы все друг друга знаем. И как мне после этого жить? Это что получается, я плохо Воронова воспитал, что он стал такой сволочью, или как?

И вот что на это ответить старику? Как успокоить, сказать ему, что в этом нет его вины? Или не стоит успокаивать? Ведь в том, что произошло, виновато старое поколение, потому что не смогло воспитать достойных, надежных людей, которые умеют жить строго по закону, не пытаются его сломать через колено..

– Вы наблюдали за своими учениками как учитель. Кто знает, какая бездна лежала между ними? Быть может, они ненавидели друг друга и общались только по необходимости. Симбиоз своеобразный такой. А когда случилась беда, вся ненависть и всплыла наружу. Зачем вы так убиваетесь? Забудьте об этом. Случилось так, как случилось. Надо двигаться дальше. С людьми необходимо работать. И для начала убрать висельников с улицы.

– Но как же мы их уберем? Вернутся эти... спросят, кто разрешил, – растерянно произнес Андронов.

– Когда вернутся, я им все сам и объясню. Мы тут недалеко от вас на перестрелку нарвались. Не скажите, кто там да что? А то мы им всем малость шкуры попортили.

Андронов побледнел. Видно, представил, что будет, если бандиты им за попорченные шкуры счет выставят.

– Часовщики это и масловцы. Были у нас тут недавно друг за другом. Порядок наводили, так они сказали. Видно, где-то столкнулись. Только зачем вы ребят перестреляли? Их хозяйева теперь с нас по полной взыщут.

– Ни с кого они ничего не взыщут. Встретились два отряда да сами друг друга и перестреляли. А потом третий подошел, добил раненых и трофеи забрал. Всего делов-то. Другое вашим бандюкам еще доказать надо. А доказательств у них нет. Да и не станут они третью сторону искать. Масловцы часовщикам счет выставят. А часовщики – масловцам. Скажите лучше, а чего им всем так приспичило захватить ваше Пролетарское? У вас тут нефтяное месторождение открылось? Бензиновые склады? Или что?

Столбов искренне не понимал, почему здоровые лбы воюют друг с другом из-за жалкого клочка земли, на котором по сути ничего нет. Только жилые дома да голодные, озлобленные люди, горбятящиеся с утра до вечера, чтобы заработать копейку.

– Да нет у нас ничего. Бандиты к нам прицепились, потому что мы последняя бесхозная территория в Угличе. Сами, можно сказать, по себе. И тут уже вопрос принципа, кто нас под себя подломит. Вот и соревнуются самопровозглашенные короли, у кого корона круче и на уши не давит, а мы страдаем.

– Сложное положение. Ладно, давайте поговорим об оплате.

Об оплате они говорили долго. Что можно было стянуть с бедной общины, живущей плодами трудов своих? Деньги давно уже превратились просто в бумажки. В цене были продукты, медикаменты, топливо, одежда, оружие с патронами да драгоценные металлы, а во всей общине, может, с десятков нательных крестов из золота и наберется. Вот об этом Столбов с

Андроновым разговаривали. В конце концов в цене сошлись. Столбов считал, что все-таки он продешевил. Андронов был уверен, что с них слупили в три дорога, но услуги команды Археолога того стоили. На том и расстались.

Андронов сам пошел показывать Дмитрию, дом, в котором его определили на постой. Трехэтажный, кирпичный, с четырьмя подъездами. Часть квартир в этом доме пустовала. Вот одну из таких брошенок Столбову и выделили. Соседями по лестничной площадке у него оказалась шумная семья с тремя детьми до двенадцати лет: две девочки и мальчик. Глава семейства Петр Куракин служил в отряде самообороны, если можно было так назвать двенадцать человек, вооруженных охотничьими ружьями, ножами да топорами.

В новой квартире Столбов перекусил копченым мясом и хлебом, что собрала ему в дорогу Верка, и завалился спать. С дороги надо было отдохнуть и обдумать исходную комбинацию, чтобы разработать план действий. Сон все не шел. Перед глазами вставали кошмары из прошлого.

Глава 6

Не прошло и полугодя после нанесения ядерных ударов, и не все люди еще успели опаскнуться, они только привыкали к новой жизни, к отсутствию цивилизации, которая в первую очередь сказала на связи, когда Столбов пролил первую кровь.

Раньше в Юсово с сотовой связью был порядок, а вот с Интернетом беда. Чтобы подключиться к Мировой паутине, надо было забраться на косогор – единственное место в деревне, где можно было подключиться к глобальную сеть. В мирное время косогор этот кишел деревенскими и дачниками, словно цветочная поляна пчелами. Все подолгу стояли, с головой уйдя в свои телефоны и планшеты: кто-то проверял социальные сети, кто-то смотрел новую серию любимого сериала, а кто-то и строчил деловые письма.

С началом войны в Юсово разом поубавилось народа. Дачники рванули назад – кто в Углич, кто в Ярославль, кто в Москву. Мир погрузился в темноту. Изредка сквозь серые густые тучи проглядывало солнце, но такие дни можно было по пальцам пересчитать. Температура воздуха упала до нуля градусов. И все время шел дождь, нескончаемый тоскливый дождь, смеющийся снегом и градом. Деревенские ругались на правительство, которое допустило такое, на гадкую погоду, на то, что продукты тяжело достать – раньше-то покупали в ближайшем магазине в Шевердино, – да жаловались на пропавшую в одночасье сотовую связь – до родных и близких не дозвониться.

Макар Савельев, отдохавший в отпуске за свой счет в «своем родовом имении», все пытался соединиться с начальником, чтобы узнать, когда ему выходить на работу. Савельев жил в соседнем с археологами доме, и Столбов часто видел его стоящим на косогоре с вытянутой вверх правой рукой, в которой мужик сжимал сотовый. Только телефон не работал. Связи не было... Похоже, вследствие нескончаемой пьянки и изменившегося климата у Савельева окончательно крыша поехала.

В тот день Столбов решил прогуляться да навестить по дороге Семена Рауха. В последнее время они сдружились, часто выпивали вместе, о старом времени говорили. За несколько недель до ядерного удара им удалось откопать богатое захоронение – по всей видимости, важного военачальника или самого хана Юса. Нашли много хорошо сохранившегося оружия и доспехов, золотые украшения и посуду. Кто знает, каких результатов археологи могли бы добиться, если бы раскопкам не помешала война.

На косогоре никого не было видно. Только что прошел дождь, пришлось надевать резиновые сапоги да легкую брезентовую куртку с капюшоном.

Небо хмурилось, тучи ходили по кругу над Волгой. Того и гляди, опять зарядит проливной дождь на несколько дней.

Столбов добрал до косогора, погруженный в свои мысли. Он напряженно смотрел себе под ноги, словно там намеревался найти ответы на вопросы, которые терзали его. Только взойдя на косогор он увидел страшную картину.

На земле в грязной луже лежал, раскинув руки, Макар Савельев. На его обезображенном страшным ударом лице застыла блаженная улыбка. Глаза напряженно всматривались в грозное небо. Над ним с топором застыл незнакомый мужик. В каком-то рваном ватнике, в грязных джинсах и кирзовых сапогах. На голове у него была вылинявшая кепка с нечитаемой рекламной надписью. Лицо небритое, злое, глаза стеклянные. Дмитрий его ни разу в Юсово не видел.

Что они с Макаром не поделили, для Дмитрия так и осталось загадкой. Возможно, они были знакомы и пришлый решил свести старые счеты, заметив безоружного Савельева. Но скорее всего, он напал с целью ограбления. Хотя любой дурак в Юсово знал, что у Савельева брать нечего. Он мужик пьющий, даже запойный. Любую свободную денгу в момент пропьет. От него из-за этого пять лет назад жена ушла, Клава, дочку забрала, и уехали они в Мышкин к

родне. С тех пор Макар стал пить еще больше, поэтому его и отправили в отпуск за свой счет. Увольнять начальник Макара не хотел, говорил, Савельев – сварщик от Бога, но как выпьет – превращается в одержимого. В общем, дело туманное, а Столбов не был ментом, чтобы его расследовать.

Случилось то, что случилось. Чужак зарубил топором Макара Савельева. Видно, для залетного убийство тоже было дело непривычным. Иначе он не застыл бы как вкопанный над мертвым телом. Но, увидев подошедшего человека, чужак зарычал, как дикий зверь, и с занесенным топором кинулся на Столбова.

Дмитрий сделал шаг назад, другой и прыгнул в сторону. Вовремя. Топор просвистел в миллиметре от него. Промахнувшись, чужак не растерялся и тут же бросился на Столбова, замахнувшись для нового удара. Дмитрий, который до этого сражался только на соревнованиях по дзюдо, где все, как сейчас казалось, было несерьезно, не растерялся. Он нырнул под удар, попытался перехватить руку с занесенным над ним топором, но не успел – пришлый мужик задел его. Топор плашмя ударил Дмитрия по правому плечу. Столбов упал на колени. Плечо охватило огнем. Перед глазами полыхнули черные вспышки. Залетный радостно осклабился и ударил Дмитрия в лицо коленом. Челюсть свело от нестерпимой боли... Только чудом все зубы остались целы. Дмитрий завалился на спину. Рот наполнился кровью.

Если он и дальше будет считать птиц, лежать ему мертвым рядом с пропойцей Макаром Савельевым. А это, признаться честно, не очень хорошая компания. И вот так ему в тот момент обидно стало, что хоть волком вой.

Чужак, почувствовавший запах крови, бросился добивать раненого противника. Он замахнулся топором, и в этот момент Дмитрий извернулся и ударил его по ногам. Хорошая вышла подсечка. Пришлый от неожиданности взмахнул руками, словно пытался зацепиться за воздух, но не вышло, и он рухнул на спину. Столбов подскочил к убийце и набросился на него сверху. Он оседлал чужака, прижал к земле ногами его руки и стал методично избивать. Удар за ударом он превращал человеческое лицо в окровавленную морду зверя. Дмитрий выбил чужаку передние зубы, левый глаз поверженного убийцы заплыл..

Прошло всего с полминуты, прежде чем мужик опомнился. Он забился на земле, пытаясь сбросить с себя врага, но Дмитрий крепко его держал. Наконец чужаку все-таки удалось вырвать сначала одну руку, потом другую. Он попытался ударить Столбова, но сил на замах уже не было. Получилось невыразительно. Тогда Столбов извернулся, откинулся в сторону, зажав правую руку противника между ног и фиксируя его тело на земле ногами. Он изогнулся дугой, схватив руку убийцы, и сломал ее в локтевом суставе. После чего отпустил и нанес два удара пяткой в лицо.

Столбов откатился в сторону. Чужак больше не представлял опасности – он был повержен.

Дмитрий с трудом встал. Ноги дрожали, словно он пробежал до окраины Углича и обратно без остановки. Зубы выбивали нервную дрожь. Столбов подошел к топору и поднял его, сплюнул на землю вязкую от крови слюну. Привкус железа во рту, словно он облизывал топор. Дмитрий посмотрел на поверженного врага. Каким он теперь выглядел жалким и несчастным. А еще недавно пытался его убить, а перед этим размножил голову Макару Савельеву, подло подкравшись со спины. И как такое отродье только земля носит. Можно было чужака прикончить, достаточно только махнуть топором, но Дмитрий не мог это сделать. Он же не зверь, чтобы добивать поверженного врага.

Столбов решил сходить за мужиками. Надо скрутить чужака, пока тот не очнулся, да решить, что с ним делать. В деревне своей полиции не было. Участковый в Шевердино, старый мужик, давно ни на что не годен. Придется, похоже, вести убийцу в город. Еще Макара похоронить надо. Жене его бывшей как-то сообщить.

В голове Столбова роилось множество мыслей. Он и не заметил, как очнувшийся чужак зашевелился на земле, пытаясь встать. Дмитрий уже начал спускаться с косогора, повернувшись к врагу спиной, когда враг нанес свой последний удар.

Грохнул выстрел. В левое плечо Столбова что-то ударило.

Ему повезло, что он сломал правую руку убийце. С левой тот не умел стрелять, да к тому же от побоев ослаб. Он целился в голову Дмитрию, а попал в плечо.

Столбов развернулся и швырнул в урода топор. К своему удивлению, он попал точно в цель. Топор, кувyrкаясь в воздухе, попал убийце прямо в голову и разбил ему лоб. Чужак рухнул на землю. Кровь, хлеставшая из раны, заливала ему лицо.

Столбов приблизился к гаду, встал перед ним на колени. Он должен был сразу обыскать его, пока тот лежал в отключке, тогда бы обнаружил пистолет, и одной дыркой в его теле было бы меньше, да и гадина эта жила бы еще. Пульс на шее чужака не прощупывался. Рана на голове выглядела ужасно. Похоже, он его все-таки прикончил. Обыскав карманы, Столбов нашел паспорт на имя Рубанова Виктора Геннадьевича одна тысяча девятьсот семьдесят девятого года рождения.

Рубанов этот был из местных. Деревня Золоторучье – это с другой стороны от Углича. И как его занесло в Юсово, одному только Богу известно. Пистолет валялся рядом с мертвецом. Дмитрий взял его, покачал на ладони и засунул во внутренний карман куртки. Подумал при этом, что надо бы на предохранитель поставить, а то как бы ненароком чего не отстрелить.

Так его и нашли друзья, стоявшим на коленях перед мертвым телом. Поза молящегося. Потом доктор долго отпаивал Столбова водкой. Но сколько Дмитрий ни пил, голова оставалась ясная, а мысли продолжали возвращаться к сражению на юсовском косогоре.

Такой была его первая кровь. Тогда всем казалось, что мир еще прежний, что они могут вызвать полицию, которая схватит и посадит преступника, что если случится пожар, то они позвонят в пожарную часть и профессионалы справятся с огнем. Тогда люди даже не догадывались, что отныне все эти проблемы должны решать они сами – собственными силами. И никто не придет им на помощь. Никто! И никогда!

Столбов сам не знал, почему вспомнил своего первого мертвеца. Может, его натолкнул на эти мысли бой между масловцами и часовщиками, а может, вид повешенных ополченцев из угличан, которых бандиты запрещали снимать.

Дмитрий лежал в кровати – у изголовья привычно стоял автомат Калашникова – и никак не мог заснуть. В голове крутились образы из прошлого. Как он ни пытался отвлечься и подумать о другом, мысли не переключались. Пытался о Верке думать, но мысли возвращались в тот уже далекий дождливый день. И перед глазами всплывало лицо мертвого мужика, первого в его длинном списке.

Глава 7

Утром Археолог проснулся с тяжелой головой, сильной жаждой и желанием провалиться под землю. Умывшись колодезной водой – водопровод в доме приказал долго жить еще лет восемь назад, – он связался со своими бойцами и объявил общий сбор возле дома старейшины.

Андронов сидел на скамейке возле дома и смотрел на небо, закутанное грозowymi тучами.

– Ливанет сегодня знатно. Погода совсем с ума сошла. Холод стоит, дожди, никак весна не наступит. Тепла очень хочется, чтобы косточки старые погреть. Не люблю я эту зиму жуть как.

– Скажите, Михаил Степанович, мы в Баскачах масловцев встретили. У них там патруль стоит. Не знаете, что им там могло понадобиться? – спросил Столбов.

Встреча с отрядом Керосина не давала ему покоя. Сперва их пропускать не хотели, грозились досмотром и конфискацией всего ценного, что будет найдено в машинах. Но после того, как Столбов упомянул фамилию Гривенного во второй раз, Керосин и его товарищи поуспокоились. Гривенный был связан торговыми узами с Ярославлем, а ссориться с ярославскими тузами никому из угличских шестерок не улыбалось.

– Встречать, видно, выехали. Через Баскачи торговый путь лежит из Ярославля. Там обычно купеческие караваны проходят. Думаю, встречали они кого-то.

– Кого они могли там встречать? – спросил Столбов.

– Я откуда могу знать? У часовщиков с ярославскими ребятами свои отношения. Часовщики наладили поставки продуктов в Ярославль. Артельщики да масловцы все больше с Рыбинском работают. Но Ярославль кусок пожирнее будет. Они все на него облизываются, да все укусить никак не могут.

Андронов умолк, увидев, как к его дому направляются вооруженные бойцы Археолога.

– Нам бы какой-нибудь дом под место для общих сборов и совещаний, а то не удобно у вас под окнами митинги устраивать, – попросил Столбов.

– Нет ничего проще. Размещайтесь в правлении. У нас там домуправление было. Теперь собираем там общий сход для решения насущных вопросов. Пойдемте, я провожу вас.

Андронов тяжело поднялся со скамьи. Солнце в это время выглянуло из-за туч и осветило его голову, отчего создалась иллюзия нимба. Столбов подумал, что вот так, наверное, и выглядят настоящие святые, которые все больше не о себе, а об окружающих людях заботятся.

Правление располагалось на первом этаже многоэтажки, в котором Столбову и его людям выделили квартиры для постояя. В просторном помещении были расставлены стулья, как в лектории, а напротив них на возвышении стоял длинный стол, застеленный зеленой скатертью. Столбов сел за стол, а бойцы его расположились напротив.

– Слушай мою команду. Я с Доктором и Корсаром поеду по делам. Юрий Игоревич, вы за рулем.

Потешкин кивнул, соглашаясь.

– Уханов, проведи инспекцию территории. Осмотрись, так сказать, на месте. Определи слабые стороны. Продумай, как мы можем усилить свои позиции. Нам надо закрепиться здесь и при необходимости отбить вооруженное нападение. Михаил Степанович, вы соберите к вечеру здесь представителей общины. Надо пообщаться с народом, выяснить, чем люди дышат, так сказать.

– Археолог, а куда это ты по делам собрался? – спросил Кирилл Уханов.

– Поедем нанесем визит вежливости масловцам, часовщикам да артельщикам. Может, удастся договориться. Да еще к Гривенному надо заехать, доставить ему посылку, – ответил Столбов.

Гривенный рад был их видеть. Только с порога сказал, что цену хорошую сейчас дать не может. Время беспокойное, на дорогах шальной люд появился, и не ясно, что будет завтра. Торговался, как будто в последний раз. Оно и понятно. Чувствовал, что Археолог в трудном положении, вот и решил отжать всю выгоду до последней шишечки. Для приличия Столбов поторговался, но через четверть часа в цене сошлись. Ударили по рукам. Гривенный позвал к себе управляющего Юрия Томилина, по прозвищу Приказчик, которому приказал выгрузить из «Патриота» сырьё и загрузить в машину товар по списку. Список он передал ему из рук в руки. Приказчик бросил на него короткий взгляд и, ни слова не говоря, вышел.

– С управляющим мне повезло. Хороший управляющий сейчас на вес золота. Мой молчалив, умен и предан, – откинулся на спинку кресла Гривенный.

Владимир Гривенный родился в Костроме... Школу закончил там же, а учиться поехал в Ярославский университет на факультет менеджмента и управления предприятием. Закончил его, устроился на работу в крупную торговую компанию, где его и застала катастрофа. Вот тут и началось его восхождение по карьерной лестнице. Много людей тогда поглотил перестраивающийся мир. Прожевал да выплюнул. Тысячи людей оказались не у дел, не способные найти себе места в изменившемся мире. Но Гривенный как-то приспособился.

Компания, в которой он работал, накануне катастрофы перевезла свои товары на новые склады. Сделано это было тихо, в обстановке строгой секретности. В офисе об этом маневре знали только директор да логисты. Гривенному удалось выведать эту информацию, найти товарно-транспортные накладные, с которых он успел снять копии, прежде чем их уничтожили. Когда же разразилась гроза, ему не составило труда догадаться, что владельцы его компании заранее знали или догадывались о возможной войне, поэтому поспешили перевезти свое имущество.

Тогда Гривенный, оставшийся без работы и средств к существованию, обратился к старому знакомому Рассказову с предложением подмять под себя склады с туристским снаряжением. В сложившейся обстановке в городе товар был нарасхват.

Черномор его поддержал. Он нашел команду, которая все сделала без шума и пыли. Туристская снаряга по нынешним временам огонь товар.

Рассказов приблизил к себе Гривенного, помог ему организовать собственную торговлю и поставил вести дела в Угличе, чему Гривенный был очень рад. Он всегда считал, что лучше быть первым в провинции, чем вторым в столице.

– Как Вера Степановна поживает? Давно что-то вы ко мне в гости не заглядывали. Обижаете старика. Нехорошо. Передавайте привет вашей дорогой супруге.

С Гривенным всегда надо держать ухо востро. Стелет мягко, да вот спать жестко. Вот и Веру его вспомнил, хотя ни разу в жизни ее не видел. Намекает, что знает о нем все и все уязвимые места собеседника для него не секрет.

– Вера моя в порядке. Вы вашей супруге Татьяне Михайловне тоже привет передавайте. При случае в гости к вам всей семьей приедем. Семья-то у нас большая, полсотни человек уже, да все увеличивается, – ответил ему Столбов, намекая тем самым, что угрозы не боится и ему есть на кого опереться..

– Как хорошо, что между нами есть взаимопонимание, Дмитрий Николаевич. Не желаете ли чаю или чего покрепче?

– От чая не откажусь, – улыбнулся Столбов, понимая, что Гривенный поить его будет вовсе не чаем, а травками разными, в лучшем случае Иван-чаем. Черный байковый да зеленый чай по нынешним временам стоил немалых денег, да и достать его было практически невоз-

можно. Торговые каналы с Грузией и Индией отсутствовали, а старые запасы на складах давно подошли к концу. Столбов даже и не помнил, какой на вкус настоящий чай.

Дело было сделано, можно уходить. Только Столбов не торопился прощаться с Гривенным. Надо узнать положение дел в городе. Кто, как не купец, должен ведать все силовые расклады. Столбов собирался аккуратно расспросить обо всем Гривенного, но не успел.

– Скажи, чего это тебя в такую рань в Углич занесло? – спросил Гривенный. – Ты же раньше мая у нас не появляешься. Я так чувствую, что ты на какое-то дело подписался. Расскажешь? Приказчик, зайди! – неожиданно гаркнул он.

В дверях тут же вырос Томилин. Купец распорядился принести им чаю и чего-нибудь сладкого. Управляющий кивнул и закрыл за собой дверь.

– Я получил контракт на охрану. Вот хочу у тебя узнать, что в городе изменилось, пока меня не было. Слышал я, что масловцы, артельщики и часовщики промеж себя что-то не поделили и теперь лаются, как дикие собаки. – Столбов решил избежать лишних расшаркиваний и сразу перешел к делу.

– Значит, пролетарские все-таки нашли себе охрану. Только послушай, Археолог, гиблое это дело. Ни часовщикам, ни артельщикам, ни тем более масловцам этот кусок земли не нужен. А сцепились они за него из принципа. Не хотят его конкуренту отдавать, и из зубов своих гнилых они Пролетарский не выпустят. Так что я даже не знаю, чем тебе помочь. Пролетарское ты не защитишь. Ну, сможешь продержаться месяц-другой. И все. Рано или поздно они до тебя доберутся. Сейчас они землю эту покусывают вполсилы – есть у них куда свою энергию тратить. А начнешь ты им палки в колеса ставить, всерьез за нее примутся.

Дверь открылась, и появился Приказчик с чайником и заварочником. Вслед за ним вошел незнакомый Столбову мужик с чашками, вазочкой с вареньем и булкой. Они поставили угощение на стол и молча вышли. Гривенный разлил заварку по чашкам и залил ее кипятком.

– Я все это понимаю. Ты лучше вот что скажи. Тысячу лет им этот Пролетарский район был не нужен. Чего они в него сейчас так вцепились?

Гривенный взял в руки чашку и сделал маленький глоток. Поморщился – чай был очень горячим.

– Скажем так, кое-кому из сильных мира сего очень не нравится, что в городе установилась определенная модель власти. Троецарствие, я бы сказал. Кое-кто имеет свои виды на Углич и хочет найти себе постоянного и сильного партнера, который бы во всем ему подчинялся. Но это невозможно, пока в городе три группировки. Вот этот кое-кто и спустил к нам информацию о своих намерениях. Да срок дал полгода, чтобы ребята сами определились, кто с ним работать будет, а кто самоустранится с игрового поля. Как сам понимаешь, никто устраниваться не собирается, а вот разборки сразу же начались, и они только набирают силу.

– И кто этот кое-кто, ты мне, конечно, не скажешь? – уточнил Столбов.

– Зачем? – удивился Гривенный. – Ты же умный. Ты и сам догадаешься.

– Хорошо. – Столбов взял чашку с чаем. – Расскажи мне лучше, что из себя представляют Костыль, Шаман да Тараканов. Хочу к ним в гости заглянуть. Может, удастся с ними договориться. В конце концов, пролетарским подойдет и вариант, когда у них появится один хозяин.

Столбов отхлебнул чай. Крепкий, терпкий, довоенный, не то что современные опилки, которые и чаем-то назвать трудно.

Гривенный усмехнулся, откинулся на спинку кресла, сложил руки на груди и начал говорить.

По рекомендации Гривенного первым делом они направились к масловцам. Занимали те территорию бывшего сыродельного завода на Волжской улице. Промышленный район,

серые бетонные плиты забора, колючая проволока поверху и пулеметные вышки через каждые несколько сотен метров. Территория завода большая, надо быть готовым к любым неожиданностям, поэтому масловцы укрепили ее и охраняли, как золотое хранилище. Некоторые цеха на заводе до сих пор работали. Масло, сыр, колбасы двух видов производились и сейчас. Пускай не в довоенных масштабах, но и людей вокруг стало значительно меньше. Большая часть продукции отправлялась на рынки Ярославля и Рыбинска. По словам Гривенного, здесь же производились химические наркотики. Что конкретно варили масловцы, он не знал. В Угличе они свой товар не сбывали. Да и наркош здесь один-два и обчелся, да и те скоро вымрут. А вот самогон да фруктовое крепленое вино с причудливым названием «Штык» – по слухам, туда добавлялись какие-то таблетки, чтобы с ног сбивало качественнее, – производились здесь в промышленных масштабах, и поставлялась продукция на угличские прилавки и в другие города.

Артельщики и часовщики с большим удовольствием потребляли спиртовую продукцию масловцев, не боясь быть отравленными. Лучше пить проверенное с завода, чем палёнку из-под полы. Надо сказать, что масловцы усиленно боролись с самогонщиками-единоличниками. Так, словно наступило советское время, они по каждому поступившему сигналу о появлении левого товара устраивали следствие. В лучшем случае самогонный аппарат реквизируют, а его владельца штрафуют. В худшем могли и вздернуть на ближайшем дереве. Доносчику полагалась трехлитровая банка отменного самогона. Впрочем, все самогонщики-единоличники в деревнях остались. Там их дави не дави, все равно проку не будет, а в Угличе о них давно никто ничего не слышал.

Потешкин подрулил к заводской проходной. Возле нее стояли два военных грузовика, прохаживались вооруженные бойцы, которые при их появлении насторожились. Потешкин заглушил мотор. Столбов и Доктор выбрались из машины и зашагали к проходной. Навстречу им выдвинулся худой невзрачный мужик с розовым обожженным лицом:

– Кто такие? Куда путь держите?

– Я – Археолог. Хочу с Костылем поговорить. Дело есть.

– Кто такой Археолог? Я не знаю никакого Археолога. С чего это Костылю с вами разговаривать? – ткнул в сторону Столбова стволом автомата обожженный.

– А с того, что он хочет получить власть над Пролетарским районом, а я знаю, как это сделать.

Обожженный задумался. Было видно, что Пролетарский район для него не пустой звук. Доводилось ему ездить в рейды и сталкиваться с конкурирующими группами.

– Я доложу. Вы стойте здесь. Никуда не ходите.

Обожженный направился в сторону проходной.

Исчез в здании и отсутствовал с четверть часа, после чего вернулся и сказал:

– Оружие оставить в машине. Костыль лично вас принять не может. Он сейчас в командировке. С вами будет говорить его заместитель Пепел. Ведите себя тихо. Не буяньте. А то мигом к стенке поставим.

Археолог и Доктор вернулись к машине и разоружились. На территории масловцев, будь они хоть увешены оружием, как рождественская елка игрушками, против всей группировки у них не было никаких шансов. Оставалось надеяться, что разговор с этим Пеплом пройдет в мирном русле и он не станет искать способ отправить их на тот свет.

Гривенный сразу предупредил, что к Костылю их никто не пропустит. Разговаривать они будут с одним из двух его замов – либо с Пеплом, либо с Рикошетом. И коротко рассказал о каждом из них. Выходило, что Иван Пеплов, к которому их вели, из этой парочки более опасный. Он раньше служил в полиции, потом попал в команду полковника Нигматулина, а после его смерти прибил к масловцам. «Жесткий, пронизывающий, хитрый, злопамятный, жадный» – так Пепла охарактеризовал Гривенный.

И его характеристика оправдалась на все сто процентов.

Пепел принял их у себя в кабинете, который находился в бывшем здании заводоуправления. Сейчас это здание использовалось процентов на сорок, а раньше все этажи были заполнены служащими, погруженными в работу. Целые леса уходили на то, чтобы обеспечить бумагой делопроизводителей завода. Бумага эта потом сжигалась в печах на дачах менеджеров или сдавалась в макулатуру. После прихода новой власти с бюрократией было покончено. И оказалось, что большая часть здания никому не нужна. Теперь верхние этажи стояли заброшенными. «До лучших времен», – говорили масловцы.

Иван Пеплов был полным мужчиной с масляным взглядом, лысой головой и толстыми пальцами, на которых красовались золотые кольца. Говорил он мягко и вкрадчиво, словно змей Каа из советского мультфильма, когда тот соблазнял бандерлогов. С самого первого слова Столбов почувствовал, что разговор не клеится. Он представился Археологом и сказал, что ему поручено общиной Пролетарского района обсудить сложившееся положение... Обрисовал ситуацию, в которую попали простые мирные граждане. Ходить под одной командой – вполне разумное решение, но чтобы одновременно три хозяина доили корову, то тут никакого молока не хватит. Пока Столбов говорил, он внимательно следил за собеседником. И через пару минут понял, что тому совершенно плевать на все слова гостя, на саму общину и ее жителей района. Масловцы готовы бодаться с остальными группировками за эту землю только для того, чтобы не прослыть слабаками, а вот входить в серьезное противостояние они не готовы. Так что по всему выходило, что им очень удобно то положение, в котором сейчас находился Пролетарский район. Значит, люди будут продолжать страдать и дальше...

Когда Столбов умолк, Пепел с минуту посидел молча, выпячивая нижнюю губу, словно тяжело размышлял о чем-то, и внезапно спросил:

– Вчера недалеко Пролетарского наш отряд постреляли. Ты имеешь к этому отношение?

Столбов покачал головой:

– Это ваши разборки. Они нас не касаются.

– Смотри, Археолог, Костыль очень не любит, когда кто-то его людей стреляет. Он тут же начинает злиться. Что же касается твоей просьбы... Мы готовы взять под свое покровительство Пролетарский район. Только вот с Шаманом, да с Тараканом тебе самому придется договариваться. Они нас слушать не станут. Так что если выпросите у них вольную, то милости просим к нам.

Пепел поднялся из-за стола, показывая тем самым, что аудиенция окончена.

У артельщиков и часовщиков Столбова ждал такой же прием. Ни Шаман, ни Таракан лично встречаться с ним не захотели, прислали своих заместителей. Те благосклонно выслушали обращение Археолога, но деликатно отвергли его. Мол, готовы взять под свое покровительство, только вы сами с нашими конкурентами договоритесь, а пока этого не сделаете, мы от своей доли в Пролетарском районе отказываться не намерены. Только у часовщиков заместитель Шамана, Никодим, предложил Археологу все бросить, разорвать контракт с пролетарскими и перейти к ним на службу. Он слышал про группу Археолога от серьезных людей и готов взять их на постоянную работу с солидным жалованьем и премиальными. Столбов, конечно, отказался. Одно дело на вольных хлебах счастье искать, другое дело под чьим-то началом ходить и зависеть от капризов командиров.

В общем-то Археолог ни на что другое и не рассчитывал. Глупо было надеяться, что после их визита кто-то из бандитов расстрогается и откажется от своих притязаний на землю. И до войны из-за земли всегда распри возникали. Бывало, семьи ссорились, брат на сестру шел из-за пары лишних соток. Что уж говорить про новое время.

Но главную задачу Столбов выполнил. Ему было плевать на то, что скажут бандиты. Главное, осмотреться на местности, понять, какими силами они располагают, как выглядят их укрепленные штаб-квартиры и как они охраняются. И эту задачу Дмитрий выполнил. Они побывали на бывшем сыродельном заводе, часовом заводе и в квартале артельщиков, который

был огорожен высоким железным забором с колючей проволокой и дозорными пулеметными башнями. После осмотра всех новых достопримечательностей Углича у Столбова появилась информация к размышлению. Теперь надо было все основательно взвесить, обдумать и выработать план дальнейших действий. Одно он знал точно – переть в лобовую атаку против бандитских группировок чистой воды самоубийство. Надо придумать способ, как добиться относительной независимости Пролетарского района так, чтобы это было выгодно самим бандитам.

Если бы Столбов тогда знал, в какую клоаку он влезает, тысячу раз бы подумал над тем, продолжать ли ему выполнять контракт или уехать назад в деревню Юсово.

Глава 8

В прежнее время переезд из Ярославля в Углич занимал несколько часов. Широкая просторная дорога, маршрутные автобусы, ходящие по регулярному расписанию, да тысячи легковых и грузовых автомобилей, снующих туда-сюда. Теперь же дорога вымерла, и каждая машина на ней являлась легкой добычей, поэтому поодиночке никто не ездил. Если уж кто и отправлял товары из одного города в другой, то грузовую машину с товарами сопровождали несколько бронированных автомобилей с вооруженной охраной. Получался целый торговый караван с опознавательными знаками на бортах, чтобы разбойники видели заранее, кому принадлежит груз, и не рисковали понапрасну. Некоторые купцы пользовались услугами наемников из частной военной компании «Борей». Другие содержали собственных солдат, которые охраняли их маленькие феодальные государства, сопровождали торговые караваны и выполняли любые поручения своих работодателей.

Константин Долгов по прозвищу Два Пальца служил у купца Рассказова вот уже второй год. За все это время он видел самого купца раза три. Один раз на праздновании Нового года, когда всех сотрудников его конторы собрали в здании бывшего кинотеатра «Прометей», где стояли накрытые столы с едой и водкой. В основном Долгов получал приказания от одного из приказчиков Рассказова, Сергея Матюхова, который занимался всеми транспортными вопросами. До войны его называли бы главным логистом. Логист организовывал торговые караваны, подбирал людей в охранение и проводил с ними разъяснительные беседы, направленные на подъем боевого духа и предотвращение хищения вверенного им имущества, да и просто потрепаться ради демонстрации всему миру собственной значимости было нелишне. С хищениями в караванах и на складах всегда вопрос стоял остро. Кражи были всегда, и никуда от них не деться. Воровали продавцы и охранники. Но в основном по мелочи. То тут банку тушенки украдут, то там мешка гречневой крупы не досчитаешься. Логист с этим активно боролся, потому что сверху на него давил Черномор. Раз в полгода точно кого-то ловили за руку и вешали на ближайшем суку. Как правило, это был кто-нибудь из новеньких, недавно поступивших на службу. Но воровство, несмотря на борьбу с ним, продолжалось.

О новом караване из Ярославля в Углич Долгов узнал за две недели до отправки от своего командира Сергея Леденцова. Было назначено время отбытия. На инструктаж Логиста Долгов откровенно наплевал. Накануне вечером он хорошо посидел на квартире у своего приятеля Сашки Еремеева, который служил в личной охране у купца Трихина. У Еремеева всегда собирались большие компании служивого люда. Выпивали много, но умело. Закуска всегда была аппетитной и в достатке. Часто в компании появлялись барышни, с которыми можно было за умеренную плату поразвлечься. Свеженькие, бойкие, словно только что выпорхнувшие со студенческой скамьи. «И где только Еремеев их находит?» – всегда удивлялся Долгов. Вот и в этот раз он весь вечер накануне инструктажа провел в компании очаровательной барышни по имени Ника. Хрупкая брюнетка с очаровательной улыбкой, чарующим голосом и большими грудями убаюкивала его всю ночь, а наутро он почувствовал себя опустошенным, словно винный погреб после солдатской пирушки. Голова трещала. И когда Еремеев увидел парня в таком виде, то сжалился и налил стакан водки в лечебных целях. Поэтому Долгов и пропустил инструктаж. В таком виде на глаза Логисту попадаться нельзя, а если он что спросит, то Серега Леденцов его прикроет, придумает убедительную легенду.

Вместо того чтобы идти в штаб, Долгов отправился напрямик в оружейку. Здесь он получил автомат Калашникова, пять дополнительных магазинов к нему и две осколочные гранаты. За выданное имущество он расписался в большой амбарной книге, которую ему развернул кладовщик.

– Два Пальца, куда собрался? На войну, что ли?

– Кто его знает, – равнодушно пожал плечами Долгов.

Голова болела меньше, но все еще гудела. Сейчас бы цитрамончику пару таблеток, все бы как рукой сняло. Только вот где их взять? Его личный запас давно кончился. А пополнить его он не успел. До аптекаря Алексеева идти далеко, да и времени нет. Знал бы заранее, другое дело.

– Ты смотри только рыбу гранатами не глуши, осколки потом хрен выберешь, – попытался пошутить кладовщик. Получилось плоско и неубедительно.

Долгов не ответил. Магазины рассовал по разгрузочному жилету, повесил на плечо автомат и отправился к складам, где сейчас грузилась их машина и стояли бронированные инкассаторские «газели» для охраны. Возле одной из машин курил, переминаясь с ноги на ногу, Витя Костров из их отряда.

– О, какие люди, Два Пальца собственной персоной. Чего Логист сегодня так рано всех отпустил? Это на него непохоже.

Долгов ответил не успел. Он подошел поближе, и тогда Костров получил ответ на свой вопрос в виде легкого спиртового шлейфа, который распространял вокруг себя Два Пальца.

– Блин, зараза, опять вчера у Еремы нализался? Аж завидки берут. Залезай в машину. Только не в первую. Там Леденец поедет. Он тебя в таком виде увидит – трещать начнет. Когда он появится, я скажу, что ты на месте.

Долгов скомканно поблагодарил Кострова и полез в машину на заднее сиденье. Подумал, что надо было утром водкой не похмеляться, а выпить пару стаканов кефира да зажевать чем-нибудь, чтобы запах отбить. Только было уже поздно коней на переправе менять. До Углича, однако, далеко. По дороге вся дурь выветрится. Ребята не сдадут, а Леденцов его только по месту прибытия увидит.

Долгов сел возле задней двери, зажал автомат между коленями и тут же задремал.

Разбудила его тряска. Машину кидало на кочках и выбоинах, словно они ехали не по асфальтированной дороге, а по горной охотничьей тропе. И до войны эта дорога не была образцовой. Здесь всегда хватало ям и ухабов, а уж после того, как мир утратил свою целостность, дорога превратилась в сущее испытание.

– Смотрите, Два Пальца проснулся, – раздался громкий голос Кострова у Долгова над ухом.

Прозвище Два Пальца Константин получил в самом начале своей карьеры. Имел он тогда привычку на любой приказ и распоряжение по неуставному отвечать: «Это мне как два пальца». Он тогда служил в наемниках, и никто на это внимания не обращал. Только вот командир их отряда все чаще стал его звать «Два Пальца». Вот так и прилепилось к парню это прозвище. И рад бы от него избавиться, только никакой возможности нет. С тех пор он сменил уже ни одно место службы, но рано или поздно обязательно попадался кто-то из старых сослуживцев, который радостно восклицал по привычке: «Рад тебя видеть, Два Пальца».

– Как там Леденец? Про меня не спрашивал? – спросил Долгов.

– Спрашивал. Как же без этого! Я его успокоил. Сказал, что ты уже бдишь на службе и все под контролем. Он мужик не дурак, так что в Угличе тебя ждет трепка. Лучше морально заранее приготовься, – посоветовал Костров.

Долгов обвел взглядом салон машины. Напротив него сидели Сёма Глушков, Владик Стюрев и Олег Бакушин. Рядом с Костровым расположился Артем Сберегаев. Вот и вся их команда.

Со Стюревым и Бакушиным Долгов притерся. В команде они появились практически одновременно, с разницей лишь в несколько недель, поэтому быстро сдружились, вместе осваивались на новом месте, частенько проводили время в трактире «У Борова», где обычно собирались служивые люди. Стюрев до войны служил в ВДВ, а на гражданке возглавлял одну из частных охранных контор. Бакушин, напротив, к воинскому делу никакого отношения не

имел. До войны он работал сварщиком на заводе, имел высший разряд. Оружие его взять в руки заставила необходимость. Чтобы выжить, пришлось научиться хорошо стрелять. А потом парень вошел во вкус. Сколько раз звали его обратно в сварщики – хорошие специалисты всегда нарасхват, – только он и раньше-то работу свою недолюбливал, а теперь от нее воротить стало.

Семен Глушков в их отряде появился недавно. Его взяли вместо молодого парня, который погиб, нарвавшись по-пьяному делу на нож. Дело быстро замяли. Глушков, совсем еще юнец, лет восемнадцать от силы, еще не успел себя зарекомендовать в деле. Это был его первый боевой выезд.

С Артемом Сберегаевым Долгов пару месяцев назад поссорился и с тех пор не разговаривал. Ссора вышла пустячная. На посиделках у Еремеева они барышню одну не поделили. Артем хорохорился, что он ее первый заметил. Долгов не уступал. Наговорили друг другу лишнего, а извиниться по трезвости гордость не позволяла.

И только Костров со всеми поддерживал дружеские отношения. С ним вообще казалось невозможно было поссориться, настолько добродушным и компанейским он был.

Рейд не предвещал ничего плохого. Выезд как выезд. Один из сотни подобных. Ребята сидели друг напротив друга и трещали обо всем на свете – о бабах, о ценах, о смысле жизни... Вспоминали свою прежнюю жизнь, травили байки из прошлого. Все это Долгов слышал уже тысячу раз, и эти истории обрыдли ему по самое не могу. В последнее время ему все надоело. Он устал от одинаковой, скучной, сытой жизни при жирном купце. Жирным не в плане толщины его живота, а в плане величины его кошелька. Одинаковая картинка окружающего пейзажа Константину осточертела. Хотелось сорваться с места и уехать куда подальше, увидеть что-то новое. Вот поэтому в последнее время он и пил так много, чтобы заглушить свою тоску. Мужики утверждали, что это кризис, порожденный бессмысленностью существования, и пережить его можно, только ударившись во все тяжкие. Долгов плевать хотел на все эти мудреные термины. Он жил так, как ему хотелось, не задумываясь о дне сегодняшнем и не сожалея о дне вчерашнем.

До Углича оставалось меньше часа езды, когда по ним ударили. Взрыв сотряс окружающее пространство. Машину подбросило, и Огнецов, сидящий за рулем, чудом сумел удержать ее на дороге. Загарахтели автоматные очереди. Пули защелкали по бортам машины. Стюрев громко и смачно выругался. Сберегаев крепко приложился головой при прыжке машины о крышу и прикусил язык. Теперь он держался правой рукой за голову и шипел от досады.

Долгов очнулся от спячки. Неожиданно даже голова прошла. Константин вцепился руками в автомат как в спасательный круг и пытался разглядеть, что происходит впереди на дороге.

Где-то слева опять жажнул оглушительный взрыв. Огнецов крутанул баранку влево, и машину сильно занесло. Инкассаторский сейф на колесах перевернулся, и бойцы посыпались друг на друга. Машина легла на крышу, колесами вверх, и замерла. Повсюду слышались выстрелы.

Стюрев первым оказался у задней двери и стал ее открывать. Остальные ребята распределились возле бойниц, высунули наружу стволы автоматов и стали бить, ориентируясь на звук. Видимость в салоне была нулевая. Дверь зажало. Наконец Стюрев справился с дверью, распахнул ее, первым выскочил из машины и словил автоматную очередь в грудь. Не спас даже бронежилет, который каждый боец в обязательном порядке надевал перед выездом. Выронив автомат, Стюрев упал на спину. Его мертвые глаза обиженно смотрели на грязное, все в грозовых тучах небо, словно вопрошали Творца, как Он мог такое допустить.

Долгов увидел убийц Стюрева. Они спрятались за поваленным деревом. Двое парней в белых куртках и черных вязаных шапках. Неужели на них напал Белый рой? Давно о нем ничего слышно не было. Долгов вскинул автомат, прицелился и дал короткую очередь поперх

дерева. Белые братья тут же спрятались. Ни одна пуля их не задела. Через четверть минуты ответная очередь прошла по бортам машины. Часть пуль ушла в салон, слава Творцу никого не задев. На головы бойцов посыпались клочья обивки и поролона из сидений.

Рядом с Долговым упал Костров, он пытался вжаться в пол. За их спинами толклись остальные бойцы. Кто-то пытался открыть боковую дверь, но замок заклинило. Долгов замер, ожидая, когда белые твари выглянут из укрытия, и дождался.

Первым он убил мальчишку лет восемнадцати. Тот неосторожно высунулся из-за дерева. Пуля аккуратно цокнула его в лоб, срезав по пути древесный гриб чагу. Парень опрокинулся назад, не успев даже осознать того, что умер. Хорошая смерть – быстрая смерть. Тут же из-за дерева выскочил, как черт из табакерки, его напарник – огромный бородатый мужик с большим рыхлым носом. Он дал автоматную очередь по машине. Долгов прижался к полу, мысленно умоляя Бога, черта, да кого угодно сделать его невидимым и неуязвимым. В салоне машины раздался вскрик. Похоже, дикий мужик все-таки кого-то достал. Долгов скосил взгляд и обнаружил позади себя Кострова. Он привалился спиной к дверце машины, стараясь спрятаться за кресло, нависающее над ним сверху. Его правая нога, торчащая в проходе, была неестественно вывернута, брючная ткань набухла от крови. Долгов почувствовал ярость и боль за раненого товарища. Какого черта? Столько раз ездили здесь без каких-либо проблем, а тут такая засада. Какая сволочь решилась напасть на караван Черномора? Всегда считалось, что самое безопасное – это быть бойцом Рассказова. С его ребятами никогда не происходит ничего серьезного. Бандиты старались обходить их стороной. Себе дороже связываться с Черномором. А тут засада на ровном месте.

Долгов выждал момент, когда здоровяк выдохнется, и вынырнет из-за укрытия. Короткая очередь поверх дерева, за которым уже успел спрятаться противник. Теперь главное – выждать. Бородач не может отсиживаться за деревом вечно. Где-то там за спиной Долгова шел бой. Трепцали автоматы, кашляли пистолеты, но он ничего не замечал. Все его внимание было приковано к поваленному дереву, за которым скрывался злейший враг. Здоровяку надоело сидеть, и он вскочил, намереваясь добить охранников, но увидел напротив себя злые глаза Долгова и смотрящий ему в лоб ствол автомата. Мужик не успел испугаться. Пуля ударила ему в голову.

Дуэль закончилась. И Долгов окунулся в реальный мир. Его словно бы вырвало из пространственно-временного мешка и с размаху бросило в страшную действительность.

Охранники каравана один за другим лезли из машины. Они должны были защитить товар Черномора, а не греть задницы под прикрытием брони. К тому же машина в любой момент могла превратиться из надежного укрытия в смертельную ловушку, достаточно только зашвырнуть гранату в салон.

Долгов тоже полез наружу. С его стороны было не опасно. Противник обезврежен. Он помог выбраться Кострову, усадил его на землю, а сам выглянул из-за угла. Одного взгляда хватило, чтобы оценить масштаб катастрофы. Их окружили. Первая машина, в которой находился Леденец, находилась под плотным огнем, так что и носа на улицу не показать. По обе стороны дороги сидели белые братья и держали их в напряжении. Охранники стреляли через бойницы, но это был жалкий лепет. Грузовик с товаром замер возле обочины дороги. Возле кабины лежал растерзанный пулями экспедитор. Не повезло парнишке. Для него это был первый выезд – и такой неудачный! Водителя не было видно, но Долгов не сомневался, что и ему досталось. Кабина была прошита в нескольких местах насквозь.

– Что там, Два Пальца? Как обстановка? – спросил Костров.

– Хреново, – буркнул Долгов.

Им тоже основательно досталось. Ребятам удалось разблокировать двери и выбраться наружу, только вот Глушков сротозейничал и нарвался на пулю. Он лежал возле правого переднего колеса лицом в грязи, нелепо раскинув руки. Кусок мяса, который когда-то был хорошим человеком. Сберегаев и Бакушин добрались до грузовика и вели обстрел, прячась за его

бортами. Неудобная и заранее проигрышная позиция, только вот у них не было выбора. Если Леденец с бойцами не выберутся из машины, то у них не останется никаких шансов на победу. Парней раздавят поодиночке. Единственный выход – уничтожить противника, а затем продолжить путь на грузовике.

Долгов краем глаза уловил движение на левом фланге. Двое белых братьев подбирались к Сберегаеву и Бакушину со спины. Он вскинул автомат и открыл огонь. Бил короткими очередями – надо беречь патроны. Сберегаев обернулся на крики, увидел падающих на землю белых братьев, а затем перевел взгляд на Долгова. Кивнул в знак благодарности и вернулся к своей работе.

«Надо выбираться из этого дерьма», – подумал Долгов.

От утреннего похмелья не осталось и следа. Говорят, что на войне сами собой любые раны заживают. Организм так напряжен и сосредоточен на выживании, что язвы рассасываются, легкие восстанавливаются после воспаления, а утренний бодун отсутствует как явление. Долгов никогда в это не верил, мало ли что народ говорит. Но сейчас почувствовал это на своей шкуре.

Он взвалил на себя Кострова, который самостоятельно не мог передвигаться из-за прострелянной ноги. Предварительно он высунулся из-за машины, проверил, что рядом никого нет, и аккуратно, стараясь держать окружающее пространство под наблюдением, зашагал к грузовику. Бросать друга он не собирался, несмотря на то что вокруг разгорелся настоящий бой.

Возле машины, прислонившись к двери, сидел Огнецов, их водила. Хороший мужик, семейный. У него жена в Ярославле с двумя дочками. А в Угличе любовница есть. Он каждый раз отправлялся на дело как на праздник. Но эта дорога для него оказалась последней. Ему не повезло. Выбравшись с водительского сиденья, мужик получил пулю в грудь. Бронник не спас, не уберег. В глазах у водилы застыла обида. Как же так? Как все его женщины будут теперь без него?

– Твою же в бога душу мать, – выругался Костров.

Перешагнув через мертвеца, парни продолжили путь и вскоре оказались возле грузовика.

– Спасибо, Два Пальца, хорошая работа! – поблагодарил Константина Сберегаев, при разговоре он немного шепелявил из-за прикушенного языка. – Следи за левым флангом. Чего Леденцов там сидит? Вот чего он сидит?

Долгов понимал нервное состояние Сберегаева. Если командир сейчас не выберется из машины и не начнет наступление на позиции врага, то можно считать, что их песенка спета. Белый рой подавит сопротивление и положит их по одному. Поэтому сейчас вся надежда на грамотное поведение Леденцова. Все-таки командир у них калач тертый, воробей стреляный – не в одной передрыге участвовал.

И тут словно в ответ на все их мольбы раздался сильный взрыв. Долгов выглянул из-за грузовика и увидел поднимающийся черный столб дыма, идущий от машины Леденцова. Все-таки не успел! Эти сволочи достали его. Шибанули из гранатомета или просто забросали гранатами. Теперь их осталось четверо против всей этой своры лесных грабителей.

– Нам их не удержать, – тихо сказал Сберегаев, но, несмотря на грохот выстрелов, его все услышали. И слова его прозвучали как приговор.

– Что у нас за груз? – спросил Долгов.

– Хер знает. Ящики какие-то, коробочки. Там чуть-чуть. Зачем такой грузовик из-за мелочовки гонять, я не знаю, – отозвался Костров.

– Вероятно, для прикрытия, чтобы не подумали, что тут что-то ценное.

– Дело говоришь, Два Пальца, только нам это ни хера не помогло, – огрызнулся Сберегаев.

– Тогда так сделаем. Я лезу в кузов. Вы меня прикройте. Прихвачу из груза, что смогу, а там попробуем уйти лесом. Это наш единственный шанс, – предложил Долгов, и неожиданно все его поддержали.

Костров даже помог ему забраться в грузовик, подставив плечи как приступок.

В кабине было темно, как в деревенском нужнике. Свет просачивался только через дырки от вражеских пуль в брезенте. Долгов двигался на ощупь. Глаза быстро привыкли к темноте, и он смог осмотреться. Груза и впрямь мало. Совсем, можно сказать, нет. Три больших ящика по центру, возле них лежали два мертвеца с винтовками, Гриша и Гоша, из числа приближенных Рассказова. «Братья из ларца», как их иногда за глаза называли охранники. Долгов сбил крышку с одного ящика, а затем с остальных. Пустая трата времени. Ящики были набиты банками с тушенкой и сгущенным молоком. Явно нападавшие не за этим грузом охотились. Тогда что им надо? Вот в чем вопрос.

Долгов пошарил по кузову. Еще пару ящиков обнаружил возле водительской кабины, но и там все то же – сгущенка и тушенка. Неужели белые братья настолько озверели от отсутствия сахара, что полезли на них с автоматами за сгущенным молоком? Просто чушь какая-то. Но больше ничего в кузове не было. По большому счету этот торговый караван просто фикция. Они везли четыре ящика с консервами. Ради этих ящиков погибло столько хороших людей. Что за бред?

А снаружи все еще шел бой. И его участники рисковали жизнями ради консервированной жратвы.

Долгова на мгновение ослепила ярость. В себя его привела пуля, которая чиркнула у него перед лицом, проделав новую дырку в брезенте. И тут парня осенило. Он бросился к Гоше и Грише, упал перед ними на колени, отбросив в сторону автомат. Сначала он перевернул Гришу и как следует его обыскал, но ничего интересного не нашел. Затем та же участь постигла Гошу, и тут Константину улыбнулась удача. В куртке Гоши, во внутреннем кармане, он обнаружил черный деревянный футляр. Аккуратно открыв его, Долгов увидел две ампулы с прозрачной жидкостью и какие-то бумажки с напечатанным на принтере текстом. Можно было не сомневаться, именно из-за этой химии они и попали в передрагу. Белым братьям нужны были эти ампулы.

Перед поездкой ребята еще удивлялись, зачем с ними едут Гоша и Гриша. Они обычно на простые операции не отправлялись. А тут при полном параде, да еще и в кузове грузовика. Но тогда народ поудивлялся и тут же забыл об этом. Мало ли какие у начальства причуды? Теперь Долгову все стало понятно.

Схватив автомат, Долгов выпрыгнул из кузова и сразу же пригнулся. Белые братья сосредоточили все внимание на их грузовике – больше никого в живых не осталось. Они пытались обойти их с левого фланга, но Костров стойко держал оборону, отстреливая врагов по одному. Никого не подпускал.

– Я с грузом. Надо уходить. Здесь у нас нет никаких шансов, – сказал Долгов.

Сберегаев кивнул. В необходимости отступления никто не сомневался. Только вот на словах это звучало просто, а на деле парням предстояло долго плутать по лесу, в то время как белые братья будут гнать их, как охотники обезумевшую от страха дичь.

Сберегаев вытащил из разгрузки гранату и метнул ее в сторону противника. За ней последовала вторая граната.

– Уходим! – крикнул он.

Рванул взрыв. За ним другой. Сберегаев и Бакушин, подхватив Кострова, побежали в сторону леса. Долгов шел последним, прикрывая отступление.

Глава 9

Столбов вернулся из города разочарованным. От этой поездки он ждал большего результата. Конечно, он не надеялся, что артельщики, масловцы или часовщики отступятся от спорного района. На это было глупо надеяться. Но он рассчитывал хотя бы понять причины, столкнувшиеся группировки лбами. В этом плане поездка была малоинформативна. Дмитрия пустили в прихожую, показали одежный шкаф, а в дом войти так и не пригласили. Правильно говорят: «Непрошенный гость хуже татарина». Но кое-что ему все-таки удалось увидеть. Столбов оценил размах деятельности новых хозяев города, и он его впечатлил. Это уже были не просто бандиты, а скорее феодальные царьки с собственными армиями, налоговыми органами и прочей атрибутикой централизованной власти. С такими много не навоюешь, но отказываться от контракта Столбов не хотел. Нельзя, столкнувшись с первыми трудностями, трубить отступление. Надо найти способ заставить бандитов отказаться от спорной территории. Только как он ни ломал над этим голову в поисках вариантов, ничего путного на ум не шло. Все какая-то малоосуществимая ерунда.

За этими мыслями Столбов не заметил, как они приехали в Пролетарское. Потешкин подвез их к домуправлению, остановил машину и заглушил мотор. Тяжелые времена приучают к экономии всех ресурсов, будь то топливо или курево. Если потребуется ехать дальше, легче заново завестись, чем спустить на воздух ведро бензина.

Археолог выбрался из машины и сказал Доктору:

– Найди Уханова. Пусть срочно ко мне идет. И остальных собери. Совет держать будем. Доктор кивнул и хлопнул по плечу Потешкина, приказывая тем самым трогаться.

«Патриот» отъехал, а Столбов направился к дому. Он уже вошел в подъезд, когда его окликнул скрипучий голос:

– Долго вас что-то не было, Археолог.

Столбов обернулся. На скамейке перед домом сидел Андронов и курил самокрутку. Он щурился, словно от яркого солнца, но небо было серым, дождливым.

– Ездил к вашим обидчикам. Пытался поговорить.

– И что? Получилось? – удивленно протянул Андронов.

– Да как-то не очень, – признался Столбов. – Пойдемте в дом. Там поговорим.

Андронов поднялся со скамейки, заложил левую руку за спину и шумно потянулся, побряхтывая:

– Старость не радость. Мы убрали, кстати, висельников. Люди сами вызвались их похоронить. Никого не пришлось спрашивать.

– Это хорошо. Мне надо будет встретиться с вашими ополченцами да посмотреть, что они из себя представляют.

– Нет ничего проще. Когда скажете, тогда мы их и соберем.

Они вошли в дом. В подъезде пахло сыростью, плесенью и застарелой грязью. Вряд ли здесь кто-то делал влажную уборку. Столбов толкнул дверь штаба и вошел внутрь. Похоже, эта дверь никогда не запиралась.

– Скажи, старик, у тебя выпить есть? – спросил неожиданно Дмитрий.

Для него самого этот вопрос прозвучал неожиданно. Еще минуту назад он и думать не думал о выпивке, а тут само сорвалось. Андронов заметно оживился, глаза его заблестели.

– Как не быть! Будет. Для хорошего человека ничего не жалко. У нас самогоночка хорошая. Для своих опять же. Первый сорт.

– Из чего гоните? – поинтересовался Столбов.

Андронов сам ему открыл дверь в комнату с большим столом для заседаний и ровными рядами стульев перед ним. Тут же виртуозно пропихнулся вперед, заставив Дмитрия

прижаться к стене, и проворно засеменил к столу. Через минуту на столе оказались пузатая бутылка с самогоном, два граненых стакана и банка с мутной жидкостью, из которой выглядывали соленые огурцы.

– Из картофеля. Сахара-то днем с огнем не сыщешь, так что на крахмале самогончик производим.

Столбов взял в руки стакан, посмотрел мутную жидкость на просвет, понюхал, довольно крякнул и сказал:

– Хорошая отравка.

– И не говорите, товарищ Археолог. Очень даже хороша, зараза. Ну что, давайте за жизнь, чтобы она была подобнее к нам, грешным.

Чокнулись. Выпили. Столбов почувствовал, как огненная волна рухнула вниз по гортани в желудок, лишив его на время дыхания. Он схватился за огурец, как за спасательный круг. Вдохнул его соленый терпкий запах и укусил.

– Хороша горилка? – довольно спросил Андронов. – Признаться, люблю я это дело. Особенно в хорошей компании да под хорошую закуску. Да вот давно компании подходящей не собиралось. С Колюжником не больно-то выпьешь. Витка после третьего стакана храпеть начинает прямо на столе. Ни «Смуглянку» с ним не затащить, ни «Флибустьеров в дальнем синем море».

– Михаил Степанович, а с чего у вас вся эта бодяга то началась? Я вот все никак не пойму, все эти часовщики, артельщики да масловцы... прок-то им какой вас кошмарить? Вы для них корова дойная. А дойную корову на мясо не пускают. А тут лезут и лезут к вам да еще друг перед другом кочевряжатся, словно мальчишки сопливые.

Столбову не давала покоя мысль, что он что-то упускает из виду. Не все так просто в датском королевстве. Пролетарский район еще та дыра, чтобы из-за нее устраивать полномасштабную войну. У Дмитрия складывалось ощущение, что он не полностью видит картину происходящего. Ему показали только один фрагмент мозаики, а большую часть просто скрыли. И сделали это сами пролетарские. Просто больше некому.

Андронов посмотрел на Столбова. Взгляд у него был растерянный.

– Так кто же их, подонков-то, знает, мил человек? Чего им надо-то? Мы живем тихо, никого не трогаем. Сами по себе. Нам ведь много не надо. Нам бы только, чтобы детишки росли да еды хватало. Остальное уж мы как-нибудь сами.

Андронов явно что-то недоговаривал. Не так прост старик, как хочет казаться. Колюжник вначале обмолвился, что терки тут произошли серьезные, какая-то провокация, к которой пролетарские никаким боком не причастны. Столбов чувствовал, что суть проблемы в этом заключается, только вот никто не хотел ему подробности рассказывать. А старик делал вид, что ничего не знает.

– Давайте лучше еще по одной. Так сказать, кровь разогреть, – предложил Андронов.

Столбов сперва хотел отказаться, но тут же передумал. Андронova огорчать нельзя. Надо его обхитрить, в доверие втереться. С этим стариком надо держать ухо востро. Пусть думает, что ему удалось обхитрить Археолога и тот ничего не подозревает. Не получается лобовая атака, попробуем обходной маневр.

– А наливайте, Михаил Степанович, – махнул рукой Столбов.

Вторая порция пошла легче. Дмитрий занюхал самогон огурцом, продолжая незаметно следить за стариком. Тот деловито плеснул себе еще пятьдесят грамм и махнул в одиночку:

– Вам больше не предлагаю. Вам еще с ребятами своими совет держать. Не буду я мешать, пойду к себе.

Андронов спрятал бутылку с самогоном куда-то под стол, там же исчезла и нехитрая закуска со стаканами. Обтерев руки об штаны, он заторопился к выходу.

На пороге старик обернулся, смерил Археолога взглядом оценщика в ломбарде и сказал:

– Купчина ярославский Черномор, что над землями этими власть имеет, решил, что три туза в Угличе – это много. И чтобы не разгребать дерьмо самому, поставил людям ультиматум: решите, мол, промеж себя, кто в колоде останется, а кто на погост переедет. Вот люди и думать начали, шевелиться. Бойню никто начинать не хочет, но время истекает. Скоро Черномор сам все решит, если результат проделанной работы его не устроит.

Старик так громко хлопнул дверью, что стекла в окнах задрожали. Стоило только двери закрыться, как она опять хлопнула, и в зал вошли Уханов с Доктором и Потешкиным. Вслед за ними с интервалом в пару минут подтянулись и остальные. Они расселись в зале перед сценой, в то время как Столбов занял место за столом.

– Кирилл, докладывай, что мы имеем на месте.

– А чего тут докладывать? Имеем мы на месте большую дыру, которую нашими силами хрен залатаешь. Дома стоят хоть и близко друг к другу, но общую линию обороны хрен сделаешь – слишком много проходов. Все под контроль взять нереально.

– А что, если мы лишние заминировать? – уточнил Столбов.

– Командир, здесь слишком много гражданских. Да и детишек немало. Мы-то всех предупредим, только вот все равно кто-то забудется, кто-то из любопытства сунется. Так что беды не избежать. Если и минировать, то за пределами Пролетарского, – возразил Семен Раух. – За нами уже увязался парнишка один. Его все здесь Чистиком зовут. По фамилии. Чистяков Федя. Он нам проходу не дает. Всюду за нами таскается. Сейчас возле дома остался.

– Хорошо. Какие будут предложения? – спросил Столбов.

– Уплотниться надо. Народ тут разрозненно живет. В доме могут быть заселены с десяток квартир. Остальные пустуют. Люди живут на прежних метрах, где еще до войны жили. Понятно, что так привычнее и удобнее. Но нам сложнее. Поэтому предлагаю всех в пару домов засунуть. Два дома, если они рядом стоят, удобнее оборонять. Мы там сможем крепость обустроить, – предложил Уханов.

– Я поддерживаю, – вставил слово Семен Раух.

– С другой стороны, когда все так разрозненно, то и бандитам сложнее всех отловить да к стенке поставить, – возразил Доктор.

– Ну кто местных хочет к стенке поставить! Куражатся бандиты над ними, удаль свою показывают, не более того. Им живая рабочая сила нужна. А то, что они до сих пор не могут договориться между собой, так тут проблема в другом. Бандитские кланы борются между собой, чтобы, как в старом фильме «Горец», остался только один – тот клан, кто будет всем Угличем управлять. А полномасштабную войну они не затевают, потому что не хотят разгневать своих высокопоставленных начальников, – попытался объяснить положение дел Столбов.

– Хорошо, командир, и долго мы тут на осадном положении будем сидеть? – спросил Рыжов.

– Это я тебе пока не могу сказать, надо разобраться, что тут к чему, – признался Археолог. – Мы побывали в резиденциях всех трех банд. И ничего толком не добились. Ни один из лидеров кланов не стал с нами встречаться. Они нам своих помощников на замену прислали. А те ни рыба ни мясо. Хотя работа у них такая. У меня сложилось впечатление, что никто из бандитов не стремится форсировать ход событий. Их устраивать это болото. То ли они что-то ждут и на что-то надеются, что должно обязательно скоро произойти и что изменит расклад сил в городе, то ли просто думают, что проблема сама собой рассосется. А тут могут быть провокации. По крайней мере, я не исключаю этот вариант. Так что, Уханов и Раух, завтра с утра займитесь вопросом уплотнения домов. Доктор, а ты покрутись на месте, попробуй понять, чем живут эти люди, чем на хлеб себе зарабатывают. Потешкин, тебе надо с нашим старейшиной поговорить по душам. Он любит самогончик подегустировать. Посидите с ним, возьмите немного на грудь, поболтайте. Попробуй Андропова разговорить. Он знает намного больше, чем рассказывает. Мужик этот совсем не простой, к нему особый подход нужен. Признаюсь, у

меня к нему ключик подобрать не получается. Он держится со мной настороже, словно опасается чего-то. Может, у тебя получится. И еще, отправь Корсара к Гривенному. Пусть затарится всем необходимым для обустройства линии обороны вокруг Пролетарского. Нам нужны мины, светошумовые маячки. Фермер пусть соберет местных и займется обустройством укрытий по периметру территории. Пусть из подручных средств организуют заградительные сооружения. Если кто из бандитов решится на штурм, мы должны по максимуму усложнить им задачу. Раух, проконтролируй решение этого вопроса.

Археолог поднялся из-за стола. В голове гудело от выпитого самогона.

На скамейке возле дома сидел парнишка с соломенными волосами и веснушчатым лицом. На вид ему было лет пятнадцать, не больше. Он щурился от солнца, глядя, как на балконе дома напротив женщина в синем платье вывешивала мокрое белье на веревки. При движении руками вверх платье натягивалось, подчеркивая ее внушительных размеров бюст. Парень улыбался, довольный, и очень напоминал сытого кота, облизывающегося на сметану. Есть уже не может, но эстетическое удовольствие получает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.